

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

МОНГОЛЬСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт истории и археологии

**MINISTRY OF EDUCATION,
CULTURE, SCIENCE
AND SPORTS**

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ:
РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ
Международный Круглый стол

10 июня 2019 г. Санкт-Петербург

ПРОГРАММА
ТЕЗИСЫ

Санкт-Петербург
2019

**ОРОСЫН ХОЛБООНЫ УЛСЫН
ШИНЖЛЭХ УХААНЫ АКАДЕМИ
Дорно дахины гар бичмэлийн хүрээлэн**

**МОНГОЛ УЛСЫН
ШИНЖЛЭХ УХААНЫ АКАДЕМИ
Түүх археологийн хүрээлэн**

MINISTRY OF EDUCATION,
CULTURE, SCIENCE
AND SPORTS

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ ДЭХ МОНГОЛ СУДЛАЛ:
ӨНГӨРСӨН БА ӨНӨӨ ҮЕ**

2019 оны 6 сарын 10

Санкт-Петербург хот

**ХӨТӨЛБӨР
ИЛТГЭЛИЙН ХУРААНГУЙ**

Санкт-Петербург
2019

ОРГАНИЗАТОРЫ:

Институт восточных рукописей Российской Академии Наук
Институт истории и археологии Монгольской Академии Наук

СООРГАНИЗАТОРЫ:

Министерство образования, культуры, науки и спорта Монголии
Международная ассоциация монголоведов

Монголоведение в Санкт-Петербурге: ретроспектива и современность. Программа. Тезисы. Международный Круглый стол (10 июня 2019 г. Санкт-Петербург) / Сост. И.В. Кульганек, Д.А. Носов. – СПб.: 2019. – 48 с.

ISBN 978-5-4386-1736-5

DOI 10.25882/njwm-wh89

Подписано в печать 3.06.2019. Формат
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 2,9. Тираж 50 экз. Заказ № 2215
Типография «Свое издательство». Санкт-Петербург, 4 линия ВО, 5

ISBN 978-5-4386-1736-5

© ИВР РАН, 2019

РАСПИСАНИЕ КРУГЛОГО СТОЛА

Открытие состоится в «**Зеленом зале**» ИВР РАН
(Санкт-Петербург), Дворцовая наб., д. 18.,

Заседания будут проходить в ИВР РАН и Доме Ученых
(Дворцовая наб., д. 26).

10 июня

10.00–10.30 – Регистрация участников Круглого стола в ИВР РАН.

Осмотр выставок:

«Монгольские рукописи в собрании ИВР РАН»

«Материалы и документы о Монголии из Архива востоковедов ИВР РАН»

«Новые работы по монголоведению сотрудников ИВР РАН»

10.30–13.00 – Открытие Круглого стола. Утреннее заседание

13.00–14.30 – Обед в Доме Ученых

14.30–16.00 – Дневное заседание

16.00–16.30 – Кофе-брейк

16.30–17.30 – Продолжение дневного заседания

18.00–20.00 – Ужин в Доме Ученых

Продолжительность доклада с обсуждением – 15 мин.

Продолжительность выступления в дискуссии – 5 мин.

ПРОГРАММА

КРУГЛОГО СТОЛА

10.30-13.00 – Открытие. Утреннее заседание.

Председатель: И.В.Кульганек

Приветствия:

Вице премьер-министра Монголии Ө. Энхтүвшина

Директора Института восточных рукописей РАН И.Ф. Поповой

Директора Института истории и археологии МАН С. Чулууна

<i>Т.Д. Скрынникова</i>	Интерпретация понятия Yeke Mongγol ulus
<i>А.А. Туранская</i>	Колофоны уйгурских рукописей как источник по истории буддизма в Центральной Азии (на примере махавайпулябуддааватамсака-сутры)
<i>Т.А. Пан</i>	Монгольские книги в маньчжурском фонде ИВР РАН
<i>Н.С. Яхонтова</i>	Словари в монгольской коллекции ИВР РАН
<i>А.А. Сизова</i>	Монгольский перевод трактата о магических защитных символах «Ваджрная гирлянда»
<i>С.Х. Шомахмадов</i>	Санскритский фрагмент "Сутры золотого блеска" из Центральной Азии
<i>Н.В. Ямпольская</i>	Берестяная рукопись на Ясном письме из Аблай-хита
<i>Р.Ю. Почекаев</i>	Вклад петербургских юристов в отечественное монголоведение

13.00-14.30 – Обед

**14.30-16.00 – Дневное заседание
(Дом Ученых)**

Председатель: Т.Д. Скрынникова

<i>Д.А. Носов</i>	Отчет сотрудника ученого комитета В.А. Казакевича (1896–1937) о поездке в восточную Монголию летом 1925 г.
<i>Е.П. Островская</i>	Из истории российско-монгольских научных связей: монголоведная деятельность М.И. Тубянского
<i>Т.В. Ермакова</i>	Буддологическое наследие монголоведа А.М. Позднеева и современность
<i>С.С. Сабрукова</i>	Обзор документов архива А.В.Бурдукова

А.В. Попов

Г.С. Кара-Мурза – исследователь хозяйства и социальной жизни Монголии 1930-х гг.

Т.И. Юсупова

История изучения Монголии российскими учеными: публикации 2018 г.

16.00-16.30 – Кофе-брейк

16.30-17.30 – Продолжение заседания

Ю.И. Елихина

Образы Богдо-гэгэнов из коллекции Государственного Эрмитажа

И.М. Захарова

Карты и описание пути по Монголии экспедиции М.Д. и Н.Д. Бутиных в 1870 и 1881–1882 гг.

М.В. Мандрик

М.В. Федорова

Монгольские фотоколлекции в собрании Российского этнографического музея

М.П. Петрова

Тема боёв на Халхин голе в современной монгольской поэзии

Д.С. Ткач

Международное положение Внешней Монголии в 1921 – 1922 гг.

В.Ю. Жуков

Родные и потомки востоковедов

И.В. Кульганек

О. М. Ковалевского и В. П. Васильева

Р.М. Валеев

Феномен университетского и миссионерского монголоведения в Казани: модели и направления институционализации (1833 – 1919)

Р.З. Валеева

Р.Г. Федорченко

Заккрытие Круглого стола.

Подведение итогов.

ТЕЗИСЫ

**ФЕНОМЕН УНИВЕРСИТЕТСКОГО И МИССИОНЕРСКОГО
МОНГОЛОВЕДЕНИЯ В КАЗАНИ: МОДЕЛИ И НАПРАВЛЕНИЯ
ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ (1833 – 1919)**

Работа выполнена при поддержке РФФИ (№ 17-01-00209-ОГН «Научное наследие российских востоковедов XIX века: О. М. Ковалевский и В. П. Васильев»)

В докладе освещены направления и особенности институционализации монголоведения в Казанском университете и Казанской духовной академии, основные этапы формирования и развития модели образования и науки о Монголии и монголоязычных народах России в 1833 – 1919 гг. Прослеживаются взаимодействие и взаимовлияние основных востоковедческих учебно-исследовательских центров и направлений, оцениваются роль университета и Казанской духовной академии и выделяются геополитические, социокультурные и этноконфессиональные факторы институционализации основных курсов и предметов монголоведения. Выявлены роль и значение казанского университетского и миссионерского монголоведения в истории отечественного и мирового востоковедения.

В 2018 г. исполнились 185 лет со дня образования кафедры монгольской словесности и 200 лет со дня образования Азиатского музея (Институт восточных рукописей РАН). В 2019 г. исполняются 165 лет со дня образования восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета и 120 лет создания Восточного института во Владивостоке. Начиная с истоков деятельности этих ведущих востоковедных центров России и Европы их связь и взаимодействие были органичными и значимыми в истории и культуре народов России и, конечно, в истории отечественной монголистики.

Сегодня эти ведущие академические и университетские центры являются уникальными комплексными научно–исследовательскими и образовательными институтами в которых ведутся исследования как классического, так и современного циклов и реализуются оригинальные профессиональные образовательные и гуманитарные программы, связанные с монголоведением.

История отечественного академического и университетского востоковедения, в том числе оригинальной системы образования и науки о монгольской цивилизации и монголоязычных народах в России и Европе, основные центры, закономерности, тенденции и ключевые социальные и академические итоги формирования и развития направления – важнейшие проблемы современных гуманитарных исследований.

Большой академический и прикладной интерес вызывают теоретические, социокультурные, историко-научные и науковедческие аспекты формирования и развития практического, академического, университетского монголоведения в России в XVIII - XX вв. Эти эпохи характеризовались развитием научного знания о монгольском мире, разнообразием, богатством, преемственностью и порой трагедией в судьбах отечественных монголоведов, созданием уникальной институциональной системы монголоведного образования и научных исследований, объединявшей деятельность официальных органов власти, Академии наук, университетов, лицеев, гимназий, духовных академий и научных обществ.

Генезис российского монголоведения, как и европейского в целом, в новое и новейшее время был связан с развитием научных знаний об истории и культуре монголоязычных народов и Монголии, его эмпирическим и теоретическим уровнями и их трансформациями. Академическое, университетское и миссионерское монголоведение в России ярко продемонстрировало феномен исследовательских открытий и уникальной психологии научного творчества. Традиции и новации центров российского

монголоведения XVIII – XX вв. позволяют провести сравнительный анализ моделей педагогической, научной, просветительской и гуманистической деятельности преподавателей и ученых и особенно их научных образов монгольской цивилизации с современными процессами в данной гуманитарной сфере.

Исследования отечественных ориенталистов-монголоведов имели широкий региональный, хронологический и проблемный диапазон. Во многом истоки отечественного и международного авторитета российской школы и центров монголоведения связаны с исследованиями классического и современного циклов. Многонациональный характер российского монголоведения – значимая социокультурная традиция в познании монгольской цивилизации.

Материалы доклада посвящены истории формирования и развития монголоведения в России, в особенности в Казани (университете и Казанской духовной академии) как университетского и миссионерского направления и дисциплины – его базовым институциональным составляющим, методологии, объекту и предмету, формам и особенностям изучения языка, литературы, истории и культуры монголоязычных народов, биографиям и наследию известных и забытых востоковедов-монголоведов.

Казань – столица современного Татарстана остается одним из исторических городов евразийской ойкумены и уникальным научным и культурным центром цивилизаций Востока и Запада. Этот историко-географический и геополитический город и регион между Волгой и Уралом стал олицетворением исторической Родины тюркских, финно-угорских, славянских и монголоязычных этносов и других современных народов Евразии. Также известные средневековые государства и общества – Волжская Булгария, Джучиев улус и Казанское ханство, представляются историческими символами тюрко-монгольского и евразийского миров. Золотордынская проблематика была и остается важным направлением комплексных гуманитарных исследований в академических и университетских центрах в столице Татарстана.

В Казанском университете и Казанской духовной академии в XIX – начале XX вв. сформировались и развивались монголоведные научные, образовательные и просветительские школы и дисциплины. Особенно в XIX – начале XX вв. Казань как место встречи и свидания двух миров – западного и восточного (А. Герцен), в том числе тюрко-монгольского стал центром российского и европейского монголоведения. Знания и наука о монгольских народах и их политическом и этнокультурном взаимодействии в Евразии являлись органической частью социогуманитарных исследований в России и Европе.

Формирование и развитие монголоведения в Казани, связанное с центрально-азиатскими ареалом, был обусловлен общим уровнем востоковедных исследований в академических и университетских центрах России и Европы, подготовкой специалистов в данной области и исследовательскими и просветительскими интересами казанских монголоведов. В их учебной и научной деятельности наиболее заметны изучение и преподавание языков, сбор материалов по географии и страноведению, знакомство и текстологическое исследование рукописей и сочинений, контакты с живыми носителями языков, путешествия в регионы и государства Центральной Азии, составление грамматик, словарей и хрестоматий. Эти основные направления исследований определялись не только практическими интересами Российской империи, но и особенно научными целями.

В Казани под руководством О.М. Ковалевского (1800–1878) и А.В. Попова (1808–1865) сформировалась плеяда российских монголоведов – Г. Никитуев (род. около 1808–?), Г. Гомбоев (1822–1863), Д. Банзаров (ок.1822–1855), К.Ф. Голстунский (1831–1899), В.П. Васильев (1818–1900), А.А. Бобровников (1821–1865) и др.

Казанская университетская монголоведческая школа получила высокую оценку в современной отечественной историографии: «Сравнительно непродолжительный казанский этап в развитии научного монголоведения в России оказался очень важным для дальнейшей судьбы этой отрасли ориенталистики. За время существования монгольской

кафедры в Казанском университете были определены основные направления в изучении истории, культуры, литературы монгольских народов». Кафедра монгольского языка Казанского университета обозначила начало развития монголоведческих исследований в университетских центрах России и Европы наряду с практическим и академическим монголоведением, сформировавшимся в XVII–XVIII вв.

Важное значение имело образование в январе 1845 г. в составе духовной академии восточного разряда (кафедры) – монгольско-калмыцкого, просуществовавших до 1854 г. В середине 40-х гг. XIX в. постановка преподавания монгольского языка связана с именем профессора-монголоведа восточного разряда университета А.В. Попова. В 1844 - 1845 гг. студенты духовной академии были допущены к слушанию в Казанском университете лекций по языкам – монгольскому и калмыцкому. В дальнейшем ключевой институциональной моделью в Казанской духовной академии стала кафедра монгольского языка, истории и обличения ламаизма.

Продолжили преподавание монгольских предметов в Казанской духовной академии во второй половине XIX в. – первые десятилетия XX в. профессор В.В. Миротворцев (1838 – 1891, монгольский язык, изложение и критический разбор основных начал буддизма), священник И. Попов (1892–1909 г., история ламаизма и монгольский язык), архимандрит Гурий (калмыцкий язык и история распространения христианства среди монгольских племен и этнография) и иеромонах Амфилохий (Скворцов, с 1911 г., тибетский язык, история и обличение ламаизма). Практикантами калмыцкого, монгольского и бурятского языков работали Л. Нормаев (1901–1904 гг.), М. Нефедьев (с 1904 г.), А. Межуев (1911–1919 гг.) и И. Шаракшинов (1914–1919 гг.).

В 1912–1914 гг. в Монголии в научной командировке находился исполняющий должность доцента академии иеромонах Амфилохий (Скворцов А. Я., 1885 – 1937) с целью изучения монгольского и тибетского языков, а также классического и монгольского буддизма.

Актуальность и новизна современных научных проектов в области истории монголоведения в России заключаются в комплексном исследовании на базе оригинальных архивных материалов российского монголоведения как целостной институциональной и дисциплинарной системы. Изучения направлений и итогов формирования личности отечественного ориенталиста-монголоведа, исследовательских проектов и программ, научных школ и их преемственности и др.

Феномен отечественного монголоведения связан с осмыслением и раскрытием величия и трагедии истории и культуры народов полиэтнической и поликонфессиональной России – взаимодействия европейских и азиатских исторических и идейных символов, географического и исторического взаимодействия в тюрко-монгольском мире и в целом феномена геополитического и социокультурного моста между Востоком и Западом.

ОБРАЗЫ БОГДО-ГЭГЭНОВ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

Богдо-гэгэны относились к линии Халха-Джубдзун-дамба-хутухт (тиб. *khal kha gje btsun dam pa*), линии воплощений буддийских иерархов Монголии с 1640 г. по 1924 гг. Их образы, особенно первого, второго, четвертого, пятого и восьмого, глиняные и живописные, были очень распространенными, в коллекции Эрмитажа их семнадцать. Все они, за исключением первых двух, были тибетцами.

Иконография каждого из них может несколько различаться.

Глиняная скульптура, живописный образ и четыре ксилографа на полотне представляют первого Ундур-гэгэна, Дзанабадзара, (1635–1723), правителя Халхи под сюзеренной властью империи Цин (1644–1911); выдающегося скульптора, основателя монгольской портретной живописи, создателя письма соёмбо.

Дзанабадзар в правой руке держит ваджру, в левой – колокольчик, восседает в монашеской позе гуптасана, его ноги прикрыты одеянием. Чаще его изображают без головного убора, но иногда он имеет островерхий монашеский головной школы гелугпа. Бронзовая скульптура изображает второго Богдо-гэгэна, Лубсан Тенпей Дронме, (1724–1757), в виде монаха-тантриста с длинной бородой. В правой руке он держит ваджру, и плеча находится лотос с атрибутами мечом и книгой. В левой руке – капала, наполненная кровью.

Два образа, скульптурный и живописный, представляют четвертого Богдо-гэгэна, Лубсан Цультим Тубтен Ванчуга, (1775–1813). Его атрибутом является ваджра.

Шесть живописных образов и глиняная статуэтка посвящены пятому Богдо-гэгэну, Лубсан Цультим Джигме Тенпей Гьялцену, (1814–1841). Он восседает в монашеской позе с прикрытыми ногами (гуптасана) на подушках, в правой руке держит цветок лотоса, на нем находятся книга и меч, в левой – сосуд с амритой (эликсиром бессмертия) и деревом жизни.

Образов восьмого Богдо-гэгэна, Агван Лубсан Чокьи Нима Тензин Ванчун, (1869–1924) в коллекции два: на первом он восседает на троне, в монгольской меховой шапке, в левой руке он держит книгу, правая – расположена в жесте поучения. Вторым образ представляет его с миниатюрной собачкой на руках.

Таким образом, Богдо-гэгэнов сравнительно часто изображали в скульптуре и живописи. Эти произведения относятся к собраниям Э.Э. Ухтомского (1861–1921), П.К. Козлова (1863–1935) и Б.И. Панкратова (1892–1979).

БУДДОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ МОНГОЛОВЕДА А.М. ПОЗДНЕЕВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

В истории российского монголоведения А.М. Позднеев (1851–1920) занимает почетное место первого исследователя живого монгольского буддизма. Ученый установил его историко-культурную уникальность, связал особенности буддийской культуры Монголии с доминирующим хозяйственно-культурным типом — кочевым скотоводством.

Исключительное значение монастырей для сохранения и развития буддийской культуры, организации религиозной жизни буддийского сообщества на теоретическом уровне было обосновано в российской буддологии О.О. Розенбергом и, позднее, подтверждено в полевых наблюдениях Б.Б. Барадийна. В эмпирическом плане этот подход ранее реализовал А.М. Позднеев, проанализировавший жизнь монгольского буддийского монастыря и его связи с мирянами.

В ходе обобщения результатов экспедиционных наблюдений в Монголии 1880-х гг. А.М. Позднеев впервые представил буддийскую монастырскую повседневность в виде системной целостности, в которой аналитически устанавливается институциональный (монастыри), социальный (статусы внутри сообщества), визуально-пространственный (сакральные территории), темпоральный (календарь служб) и практически-религиозный (структура ритуала) аспекты. Эта схема не устарела и оптимально подходит для решения задач исследования живой буддийской традиции в современной Монголии.

Монашество А.М. Позднеев рассмотрел согласно канонической структуре статусов начиная от послушника. В описание жизни монахов включены такие существенные аспекты, как обучение, распорядок дня, система управления монастырем, монастырские профессии.

Визуально-символический аспект монастырской повседневной жизни проанализирован ученым в ходе наблюдения сакрального пространства — территории монастыря и расположения зданий на ней, архитектурных особенностей и интерьера храмов. Закономерно, что особое внимание Позднеев уделил описанию алтарной части храма, символике подношений. Несомненный интерес представляет подробная роспись ритуалов, сопровождающих выбор места для возведения храма, закладку строения.

Темпоральный аспект повседневности зафиксирован Позднеевым в подробном описании ритуалов буддийского годового цикла и хозяйственного календаря. Не ставя задачи аналитической реконструкции ритуалов, он подробно зафиксировал их предметный, акциональный, вербальный и мотивационный аспекты, способом организации материала избрав последовательность действий в рамках обрядового комплекса.

Наряду с календарным типом ритуалов исследователь рассмотрел обряды жизненного цикла и ритуалы, проводимые в специальных случаях по заказу верующих (болезнь, гадание о благоприятных днях для важных дел, освящение жилища, имущества, скота). Отражены и ритуалы, сложившиеся в рамках центральноазиатской региональной формы буддизма и специфичные именно для нее — это буддийские службы на *овоо* (изначально — сакральные локусы шаманистов) и ритуалы, проводимые в целях защиты стад от болезней и падежа (последнее было особенно актуально для Монголии — традиционно скотоводческой страны).

На основе текстов-наставлений для проведения ритуала Позднеев подробно восстановил сценарии таких масштабных действий, как *цам* (представление в рамках культа божеств-защитников), круговращение Майдари (санскр. Майтрей) — почитание весьма популярного в Монголии и Бурятии Будды будущего, праздник в честь Дзонхавы — одного из наиболее чтимых деятелей буддийской истории в Тибете.

С начала 1990-х гг. в ходе социальных преобразований в Монголии роль буддизма

возросла в процессе поиска новых оснований социокультурной идентичности монгольского общества. Началось возрождение буддийской общины. Монастыри расширили содержание их связей с мирянами и, что особенно важно, с остальной частью населения, не входящей в буддийскую общину. Буддисты-миряне соблюдают буддийский праздничный календарь, для крупных монастырей характерно формирование приходов с устойчивым составом общины. Практика окказиональной обрядности по частным просьбам сохранилась, ее репертуар модернизирован.

Современное возрождение буддизма в Монголии — процесс, зародившийся в комплексном социокультурном контексте на фоне значительных утрат буддийской культуры в предшествующий период. Законодательно инициированная практика возрождения исторических и организации новых монастырей в Монголии делает востребованным системное описание монгольской буддийской жизни во время ее расцвета. Буддологическое наследие А.М. Позднеева, таким образом, может быть востребовано как источниковый ресурс для религиоведческого исследования.

РОДНЫЕ И ПОТОМКИ ВОСТОКОВЕДОВ
О. М. КОВАЛЕВСКОГО И В. П. ВАСИЛЬЕВА

Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 17-01-00209-ОГН

«Научное наследие российских востоковедов XIX века: О. М. Ковалевский и В. П. Васильев»).

Речь пойдет о близких и потомках двух выдающихся российских востоковедов — Осипа Михайловича Ковалевского (1800/1801–1878) и Василия Павловича Васильева (1818–1900).

У **О. М. Ковалевского** было три брата (Юлиан, Антоний, Теодозий) и две сестры (Анеля, Констанция). *Юлиан Михайлович* впоследствии стал первым директором училищ С.-Петербургской губернии, первым директором С.-Петербургской Пятой гимназии. *Антоний (Антон) Михайлович* — священник. О *Теодозии Михайловиче* сведений нет.

Около 1839 г. О. М. Ковалевский женится в Казани на девице *Анне Соколовой*. В браке родились четверо детей: трое сыновей, один из которых (*Михаил*) умер в детстве, и дочь *Мария*. Двое старших сыновей ученого получили известность. *Николай Осипович Ковалевский* (1840–1891) — физиолог, доктор медицины, ректор Казанского университета. *Павел Осипович Ковалевский* (1843–1903) — академик живописи, профессор Академии художеств.

Авторами установлены 69 потомков крупнейшего русского китаевода, ординарного академика Академии наук **В. П. Васильева**, вплоть до восьмого колена — его прапрапраправнуков.

В 1852 г. В. П. Васильев женился на дочери ректора Казанского университета *Софье Ивановне Симоновой*, которую пережил на 32 года. У четы Васильевых родились девять детей — пятеро сыновей и четыре дочери, одна из которых умерла при рождении. Нами установлены также 14 внуков, 11 правнуков, 13 праправнуков, 9 прапраправнуков, 11 прапрапраправнуков и 2 прапрапраправнука. Назовем некоторых из них.

Сын Александр Васильевич Васильев (1853–1929) — математик и историк, профессор, депутат I Госдумы, член Госсовета и ЦК кадетской партии. *Сын Николай Васильевич Васильев* (1857–1920) — агроном, доктор медицины Бернского университета. Профессиональный революционер, участник русского и швейцарского революционного движения, один из ближайших соратников Г. В. Плеханова.

Внук Николай Александрович Васильев (1880–1940) — философ, логик, психолог, историк, литературовед, переводчик, поэт. Один из основателей неклассической, неаристотелевой (воображаемой) логики. *Внук Сергей Александрович Васильев* (1881 или 1883 – 1962) — инженер путей сообщения. Член студенческого комитета партии эсеров. Начальник Ленской изыскательской партии, впервые обследовавшей р. Лену и реки верхней части ее бассейна (1911–1918 гг.). В 1920 г. эмигрировал в Королевство Сербов Хорватов и Словенцев, с 1922 г. жил и работал в Нью-Йорке. *Внучка Анна Александровна Крушинская* (урожд. Васильева, 1882–1968) — переводчик, редактор, библиограф. *Внучка Вера Всеволодовна Барановская* (1884–1935) — актриса театра (МХТ) и кино. Исполнительница главной роли в фильме «Мать» В. И. Пудовкина. В 1932 г. выехала на лечение во Францию. *Внучка Елена Всеволодовна Бирюкова* (урожд. Барановская, 1892–1967) — врач, двоюродная сестра О. Л. Керенской (урожд. Барановской). Эмигрировала во Францию. Родила 31.12.1917 г. внебрачную дочь Ирину от А. Ф. Керенского. *Внук Владимир Львович Барановский* (1882–1931) — русский и советский военный деятель, генерал-майор, герой Первой мировой войны. Участник Февральской революции, член Военной комиссии Временного комитета Госдумы, начальник кабинета военного и морского министра Временного правительства А. Ф. Керенского (по его назначению), который был его зятем (муж сестры). Репрессирован. *Внучка Ольга Львовна Керенская*

(урожд. Барановская, 1884–1975) — первая жена А. Ф. Керенского. В 1920 г. с двумя сыновьями эмигрировала (Эстония, Швеция Англия).

Правнук Леонид Викторович Крушинский (1911–1984) — выдающийся нейробиолог, доктор биологических наук, член-корреспондент АН СССР, профессор МГУ. Пионер в СССР исследований по генетике поведения. *Правнук Олег Александрович Керенский* (1905–1984) — выдающийся инженер-мостостроитель. Спроектировал первый Босфорский подвесной мост в Стамбуле. *Правнук Глеб Александрович Керенский* (1907–1990) — инженер-энергетик.

Праправнук Олег Олегович Керенский-младший (1930–1993) — писатель, публицист, балетный и театральный критик, автор ряда книг. *Праправнучка Ариадна Андреевна Васильева* (р. в 1942 в Париже). Автор романа «Возвращение в эмиграцию». Живет в Ташкенте (Узбекистан).

Около 20 потомков академика В. П. Васильева проживают за границей (Узбекистан, Франция, США). Самый юный его потомок — *прапрапраправнучка* француженка *Итсил Жуно* (р. 13.07.2017).

КАРТЫ И ОПИСАНИЕ ПУТИ ПО МОНГОЛИИ ЭКСПЕДИЦИИ М.Д. И Н.Д. БУТИНЫХ
В 1870 И 1881–1882 ГГ.¹

В Рукописном отделе Научного архива Института истории материальной культуры РАН хранится документ под названием «Маршрутные карты и описание пути от границы Нерчинского округа от Кулусутаевского караула до Пекина и Старо-Цурухайтуевского караула до Айгуна экспедиции торгового дома Нерчинских купцов братьев Бутиных 1870 и 1881 года» (Р. I. Д. 1254). Документ сброшюрован, в твердом кожаном переплете с золотой рамкой на обложке и составляет 100 листов, представляющих собою две большеформатные карты всего пути следования экспедиций, рукописные тексты с описанием особенностей маршрута и карты пройденных участков. Пагинация полистная карандашом арабскими цифрами вверху листа. Документ был передан из библиотеки Государственной академии истории материальной культуры в архив 29 ноября 1955 г. История поступления его в Академию еще требует дальнейшего расследования.

Рукопись состоит из двух частей. Первая под названием «Маршрутные карты и описание пути от Кулусутаевского караула до Пекина 1870 г.» (лл. 1-27) содержит описание организованной при поддержке генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова «Торговым домом братьев Бутиных» летом 1870 г. «частной» экспедиции в Китай через восточную Монголию для исследования нового торгового пути между Забайкальской областью и Китаем. Создатель и фактический руководитель «Торгового дома братьев Бутиных» Нерчинский купец 1-й гильдии Михаил Дмитриевич Бутин (1835–1907), помимо владения золотыми приисками, солеваренными, железоделательными и винокурными заводами, являлся известным коллекционером, исследователем, автором научных работ. Понимая важность развития торговли между Россией и Китаем, М.Д. Бутин выделил на организацию экспедиции 10000 рублей. В состав экспедиции под руководством Верхнеудинского купца А.П. Лосева входило 16 человек, включая двух купцов В.С. Першина и П.С. Щукина, есаула А.П. Апрелькова, чиновника особых поручений А.М. Ломоносова, переводчика с монгольского языка Ангодуева и 11 рабочих из казаков и бурят.

Главной целью экспедиции являлось изучение проходимости тележного торгового пути из Нерчинского округа до г. Долон-Нор, и далее до конечного пункта путешествия – крупного китайского порта Тянь-дзин, – сухопутным и водным путями. Попутно члены экспедиции занимались сбором сведений этнографического и экономического характера о монголах, а также исследовали структуру экспорта и импорта в торговых отношениях с монголами, маньчжурами и китайцами. Экспедиция находилась в пути с 26 мая по 15 сентября, пройдя около 1300 верст. Отрезок пути от Кулусутаевского караула, находившегося в 48 верстах от российской границы, до первого китайского города в восточной Монголии Долон-Нора до этого исследован не был. Благодаря деятельности экспедиции удалось установить удобство передвижения по новому торговому пути, который, в случае его использования, мог предоставить значительную выгоду российским купцам в торговле с Монголией и Китаем. По результатам экспедиции было составлено уже упоминавшееся описание маршрута и топографические карты отдельных отрезков пути, как правило, одно-двухдневных переходов. В 1871 г. М.Д. Бутин опубликовал «Исторический очерк сношений русских с Китаем и описание пути с границы Нерчинского округа в Тянь-Дзин», в котором, помимо общей карты поместил интересные

¹ Часть исследования выполнена М.В. Мандрик в рамках выполнения ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0010 «Археологическая и реставрационная деятельность Государственной академии истории материальной культуры на территории Евразии в 1926 – 1937 гг. (по материалам Научного архива ИИМК РАН)».

сведения по истории русско-китайской торговли, о ламаизме и его влиянии на экономику и общественные отношения Монголии, о жизненном укладе и характере монголов. В публикацию, однако, не вошли хорошо масштабированные топографические карты путевых отрезков экспедиции, которые содержат характеристики ландшафта, обозначения культовых объектов, архитектурных сооружений, торговых предприятий. Данные картографические материалы до настоящего времени в научный оборот практически не введены. За великолепно организованную и высоко результативную экспедицию М.Д. Бутин был награжден серебряной медалью Императорского Русского географического общества.

Вторая часть рукописи (лл. 28–100) содержит описание маршрута экспедиции от Старо-Цурухайтуевского караула до Айгуна в 1881–1882 гг. Вторая «бутинская» экспедиция изучена гораздо хуже первой. Известно, что она также являлась удачной. Благодаря ее деятельности был исследован скотопригонный путь из южных пределов Забайкальской области к северной Монголии, через северную часть Манчжурии к г. Благовещенску через Мерген и Хайлар, как центру закупок мяса, для Зейских и всех Приамурских приисков. Она продолжалась с 12 мая 1881 г. по 23 июня 1882 г. Как и в экспедиции 1870 г. отдельные отрезки пути отражались на специально созданных топографических картах, которые также мало введены в научный оборот.

Таким образом, учитывая интерес описываемой рукописи и ее важность для истории Монголии и современного монголоведения, целесообразно было бы продолжить изучение данного документа с последующей его публикацией с подробными историческими комментариями.

ОТЧЕТ СОТРУДНИКА УЧЕНОГО КОМИТЕТА В.А. КАЗАКЕВИЧА (1896–1937) О
ПОЕЗДКЕ В ВОСТОЧНУЮ МОНГОЛИЮ ЛЕТОМ 1925 Г.

Среди первых сотрудников Ученого Комитета (монг.: *Судар бичгийн хүрээлэн*) было несколько студентов Ленинградского Восточного Института – учебного заведения, просуществовавшего под разными названиями с 1920 по 1938 гг. Многим из них удалось оставить значительный след в монголоведении. С учебных командировок под патронажем молодого монгольского научного института начиналась деятельность выдающегося лингвиста Ц.-Д. Номинханова (1898-1967) и специалиста по монгольской исторической литературе Л.С. Пучковского (1899-1970). Одним из первых в город «Ургу, в распоряжение Ученого Комитета» [ЦГА СПб, Р-7222, оп. 4, ед.хр. 8, лл. 4,6 и 7] был направлен Владимир Александрович Казакевич – будущий исследователь монгольской лексикологии.

За время работы в Ученом Комитете с 1923 по 1925 гг. он принял участие в пяти экспедициях в центральную, южную и восточную части Монгольской Народной Республики. По результатам четырех из них были подготовлены объемные отчеты, по своему содержанию представляющие путевые заметки. В них затронуты различные аспекты жизни Монголии первой половины 1920-х гг. – экономика, включая природопользование, этнография, политическая обстановка и многое другое.

Подготовленные В.А. Казакевичем документы оказались распределены между тремя архивами – основная часть осталась в Улан-Баторе, в архиве Института Истории и Археологии АН Монголии. Машинописная копия отчета «студента ... В.А. Казакевича о поездке в хошуны Тушету-вана и Мерген-вана осенью 1923 года» сохранилась среди документов Ленинградского Восточного Института в ЦГА СПб [ЦГА СПб, Р-7222, оп.5, ед.хр.19, лл. 1–14]. В личном фонде исследователя в АВ ИВР РАН находится автограф отчета «... о поездке на Хэрулюн-гол и Халхыйн-гол летом 1925 года» [АВ ИВР РАН, Ф. 63, оп. 1, ед.хр. 1].

В рамках последней экспедиции исследователь принял участие в работе комиссии, задачей которой было принятие «экстренных мер по устройству бурят эмигрантов» [АВ ИВР РАН, Ф. 63, оп. 1, ед.хр. 1, л. 2]. Он провел включенное наблюдение за взаимодействием центральной власти с местным полиэтническим населением, обратил внимание на характер принятия решений. Значительную часть документа составляет описание уртонной гоньбы, принципы организации уртонной службы и устройства транспортных средств. Как и в остальных авторских отчетах, в текст включены этнографические наблюдения, а также фольклорные нарративы различных жанров.

На данный момент остается без ответа важный вопрос – вел ли В.А. Казакевич путевые дневники или первоисточником являются сами автографы отчетов, составленные по хронологическому принципу.

Наследие, созданное В.А. Казакевичем в ходе его ранних путешествий, рассматривалось в работах знаменитых монголоведов и буддологов – И.И. Ломакиной (1930-2007), В.Н. Мазуриной (1946-2019), В.В. Свирина (1936-2012) и Ю.В. Кузьмина. Но полная критическая публикация его работ, до сих пор находящихся в архивах, является делом будущего.

Список сокращений:

АВ ИВР РАН – Архив Востоковедов Института Восточных Рукописей РАН.

ЦГА СПб – Санкт-Петербургское государственное казенное учреждение «Центральный государственный архив Санкт-Петербурга».

ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИХ
НАУЧНЫХ СВЯЗЕЙ:
МОНГОЛОВЕДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М.И. ТУБЯНСКОГО

Настоящее сообщение посвящено деятельности представителя санкт-петербургской (ленинградской) востоковедной школы Михаила Израилевича Тубянского (1893–1937) как участника российско-монгольских научных связей первой половины 1930-х гг. М.И. Тубянский вошел в историю российского востоковедения как один из выдающихся учеников акад. Ф.И. Щербатского, знаток буддийского письменного наследия Индии и Тибета. Однако его научная деятельность в Монголии, начавшаяся в 1927 г., до сих пор остается недостаточно изученной и представляет значительный интерес.

М.И. Тубянский был направлен в Монголию Комиссией экспедиционных исследований АН СССР для ознакомления с тибетской литературой, использующейся в системе образовательной подготовки местного буддийского духовенства. В течение 1927–1929 гг. он занимался обследованием библиотеки монастыря Гандан в Улан-Баторе, установив тесные контакты с ученым монгольским монашеством. По завершении сроков командировки М.И. Тубянский, увлеченный монгольским культурным и литературным наследием, пожелал остаться в МНР для продолжения своих исследований на статусе научного консультанта Полпредства СССР.

В 1930 г. М.И. Тубянский получил от Комитета наук МНР предложение занять вакантную должность ученого секретаря этой организации. (На ее базе три десятилетия спустя, в 1961 г., была учреждена Академия наук МНР). На посту ученого секретаря он пребывал по 1936 г., успешно совмещая научно-организаторскую работу с продолжением изучения литературного наследия дореволюционной Монголии. В Комитете наук М.И. Тубянский выступил инициатором коллективных проектов по составлению тибетско-монгольского словаря и научно-справочного издания по тибетской медицине как отрасли традиционной науки, укоренившейся не только в Монголии, но в культурах бурят и калмыков. Необходимо отметить, что изучение растительного лекарственного сырья, используемого тибетскими врачами, было в 1930-х гг. важным аспектом развития российско-монгольских научных связей. В перспективе разработки новых фармацевтических препаратов на основе исследования многовекового опыта тибетской медицинской традиции в Монголию направлялись российские экспедиции и отдельные специалисты. Важным вкладом в данную область исследований стала крупнообъемная статья М.И. Тубянского, подготовленная в соавторстве с врачом-исследователем С.Ю. Беленьким, «К вопросу об изучении тибетской медицины». Она была опубликована в журнале «Современная Монголия», выпускавшемся в Улан-Баторе на русском языке («Современная Монголия», 1935. № 3 (9). С. 39–84).

В том же журнале вышли в свет и другие работы, характеризующие деятельность М.И. Тубянского как активного участника российско-монгольских научных связей. Это статья «Некоторые проблемы монгольской литературы дореволюционного периода» («Современная Монголия», 1935. № 5 (12). С. 7–30) и комментированный перевод трех глав из «Наставления» То-вана (XIX в.) – трактата о правилах и традиционных технологиях монгольского скотоводства («Современная Монголия», 1935. № 6 (13). С. 29–47). Первая из них посвящена методологическим вопросам монгольского литературоведения и классификационному описанию литературного наследия дореволюционной Монголии. Статья была написана в качестве отклика на постановление прошедшего осенью 1934 г. IX съезда МНРП о развитии монгольского языка и литературы. М.И. Тубянский показал, что решение этой задачи неразрывно связано с освоением национальной словесности, создававшейся на протяжении многовекового

дореволюционного периода, с пониманием ее ценности как литературы монгольского народа – исторического творца своей уникальной культуры. И именно в соответствии с системой монгольской культуры он разработал классификацию дореволюционного культурного наследия. Важное литературоведческое открытие М.И. Тубянского состояло в том, что в феодальный период монгольскими авторами была создана значительная литература на тибетском языке, занимавшая положение национальной литературной традиции.

К письменным памятникам по вопросам скотоводства и, в частности, к трактату То-вана «Наставление» М.И. Тубянский обратился в связи с преобразованиями в области сельского хозяйства, развернувшимися в МНР с 1929 г. Как деятель Комитета наук он считал необходимым учитывать в процессе модернизации характерный для монголов кочевнический тип хозяйственной деятельности, соответствовавший природно-климатическим особенностям страны. Переведенные им на русский язык главы из «Наставления» содержат сведения о правилах кочевания, о содержании и разведении скота. Перевод был выполнен по двум рукописям, одна из которых хранилась в личном архиве М.И. Тубянского, а другая – в коллекции Комитета наук. Однако ученый не ограничивался только кабинетной работой с письменными памятниками, дополняя ее наблюдениями живой традиции скотоводства. Его взгляды на перспективу модернизации кочевого скотоводства нашли отражение в записках, отложившихся ныне в Национальном архиве Монголии (Фонд 23. Оп. 2. Ед. хр. 16). Изучение этих архивных материалов позволит существенно расширить знания о монголоведческой деятельности М.И. Тубянского как участника российско-монгольских научных связей первой половины 1930-х гг.

МОНГОЛЬСКИЕ КНИГИ В МАНЬЧЖУРСКОМ ФОНДЕ
ИВР РАН

Количество полиглотов в маньчжурском фонде ИВР РАН занимает довольно большую часть и, в основном, это параллельные тексты на маньчжурском и китайском языках. Однако есть небольшое количество полиглотов с параллельными маньчжурско-китайско-монгольскими текстами и реже маньчжуро-монгольскими текстами. Из общего числа в 996 каталожных описаний только тридцать три имеют параллельное монгольское название, из них 7 рукописей и 26 ксилографов. Они относятся к различным жанровым категориям, таким как административные документы, переводы конфуцианских и буддийских текстов и пособия по языку. Наибольшим по количеству разделом являются пособия по маньчжурскому языку. К ним относятся словари и грамматики, например, «Зерцало маньчжуро-монгольской словесности, изданное по высочайшему повелению», напечатанное в 56-й год правления Канси (1717 г.). Этот словарь является вариантом известного тематического словаря «Зерцало маньчжурской словесности» 1708 г., к которому добавлен перевод на монгольский язык, и как написано в предисловии, выполненным группой переводчиков во главе с Раси (Волкова 1988, № 259; Pang 2001, № 248-250). Другой вариант дополненного и исправленного словаря «Зерцало маньчжурской словесности» был составлен в 45 г. правления Цяньлун (1780 г.), на маньчжурском, китайском и монгольском языках (Волкова 1988, № 252; Pang 2001, № 253). Особенностью этого словаря является то, что маньчжурские и монгольские слова имеют транскрипцию китайскими иероглифами, а чтение китайских иероглифов дано маньчжурскими и монгольскими буквами. Такое перекрестное чтение предполагает использование словаря как китайцами, так и маньчжурами и монголами. Четырехязычный вариант этого словаря «Зерцало, составленное на четырех языках» имеет дополнение на тибетском языке.

Наиболее популярным среди знаменитых войсков был учебник маньчжурского и монгольского языков с переводом на китайский язык под названием «Книга, облегчающая изучение трех языков» (Волкова 1988, № 294; Pang 2001, № 269-270). Этот словарь был составлен Фу Цзюнем в 1780 г. и построен по порядку маньчжурского алфавита. В первой тетради после двенадцати разрядов маньчжурского письма имеются грамматические заметки по маньчжурскому языку, которые переведены на монгольский язык.

Фу Цзюнь был также составителем китайско-маньчжуро-монгольской версии учебника китайского языка «Троеслово», которое называется «Троеслово на маньчжурском и монгольском языках» (Волкова 1988, № 201-205; Волкова 1965, № 103; Pang 2001, № 201-205). Переводчик на монгольский язык – Ин Цзюнь, дата издания – 1832 г.

В 1830 г. был издан сборник «Разговорные фразы на трех языках» (Волкова 1988, № 312-314; Pang 2001, № 316-317), который является трехязычным вариантом очень популярной маньчжурской хрестоматии «Сто глав». Интересно, что монгольский перевод сопровождается текстом, записанным в маньчжурской транслитерации. В предисловии сказано, что перевод на монгольский язык был сделан неким Дэлэком, князем аймака Барин.

Самым поздним изданием учебника маньчжурского языка с параллельным китайским и монгольским текстом в коллекции маньчжурского фонда ИВР РАН является издание 1909 г., составленное Силяном. Сначала даны маньчжурские слова, затем фразы, стихи и тексты, которые сопровождаются двойным переводом. В нашей коллекции есть только две последние тетради (3 и 4) из десяти (Pang 2001, № 318), однако по экземпляру из Парижских коллекций видно, что полный учебник состоит из 10 тетрадей и в первой есть предисловия Силяна, Чэн Дэцюаня и Жундэ (Pang 1998, № 140-141). Составление

подобного учебника на трех языках свидетельствует о том, что маньчжурский язык использовался китайцами и маньчжурами вплоть до последних лет династии Цин.

В фонде имеется пять параллельных маньчжурско-монгольско-китайских буддийских текстов. Буддийский текст «Учение о восемнадцати необходимых» напечатан на маньчжурском, монгольском и тибетском (Pang 2001, № 350).

К переводам китайских дидактических текстов относится «Песнь Ван Чжуншу о восьми запретах и советах по сыновней почтительности» (Pang 2001, № 179). Это поучительные тексты для детей в стихах на трех языках.

«Книга, раскрывающая священные наставления на трех языках (Волкова 1988, № 62) – поучения императора Канси, прокомментированные и изданные по указу императора Юнчжэна в 1724 г. с переводом на китайский и монгольский языки. В 4-ой тетради имеется колофон на монгольском языке: «В 13-й год правления Шуньчжи дивизионный генерал Хушиг, алашаньский князь 1-ой степени, наставления императора с почтением переписал и вырезал доски в монастыре Лун-фу-сы. Владелец торговой фирмы Сю отпечатал».

«Важное руководство для правителей и чиновников, изданное на трех языках (Волкова 1988, № 64) – китайское дидактическое сочинение, изданное в 1857 г. В предисловии есть сведения, что на маньчжурский язык перевел Туншуй, на монгольский – Мэн Боо.

Кто же были составители этих маньчжуро-монгольских текстов? Как видно из нашего краткого обзора, в предисловиях к словарям и учебникам упоминаются имена некоторых людей, работавших над их составлением. Чаще всех встречается имя монгола Фу Цзюня, сделавшего большое количество переводов на китайский и маньчжурский язык. Над переводом словаря «Зерцало маньчжурской словесности» работали: Фулунгань (маньчжур, возглавлял Палату внешних сношений в 1770-х гг.), Агуй (маньчжур из Чистого белого знамени, завоевывал район Или и был ответственным за колонизацию Турфана), Хошэнь (маньчжур из Чистого Красного знамени, в 1780 г. был генеральным директором по составлению Сыку цюаньшу и возглавлял многие литературные проекты). Наиболее известным монгольским именем в маньчжурской литературе является имя хорчинского монгола Сун Юня. Во время своей службы в Урге в 1785–1792 г. он написал одно из самых замечательных произведений литературы на маньчжурском языке «Рассказы ста двадцати старцев», которые были переведены на китайский язык уже известным нам Фу Цзюнем в 1809 г.

Таким образом, можно сделать вывод, что монголы при цинской династии в равной мере владели тремя официальными языками, и в случае с Сун Юнем (1752–1835) и Фу Цзюнем (1749–1834) предпочитали маньчжурский и китайский своему родному языку. Безусловно, это исключительные случаи. В своей массе монголы, проживавшие на монгольской территории владели монгольским и маньчжурским. Более того, все деловые бумаги, исходящие из Палаты внешних сношений составлялись на этих двух языках.

Список сокращений:

Волкова 1965 – Волкова М.П. Описание маньчжурских рукописей Института народов Азии АН СССР. Москва: Наука, ГРВЛ, 1965.

Волкова 1988 – Волкова М.П. Описание маньчжурских ксилографов Института востоковедения АН СССР. Вып. 1. Москва: Наука, ГРВЛ, 1988.

Pang 1998 – Pang T.A. Catalogue of Manchu Materials in Paris. Manuscripts, Blockprints, Scrolls, Rubbings, Weapons. Wiesbaden: Harrassowitz Verl, 1998.

Pang 2001 – Pang T.A. Descriptive Catalogue of Manchu Manuscripts and Blockprints in the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences. Issue 2. Wiesbaden: Harrassowitz Verl, 2001.

ТЕМА БОЁВ НА ХАЛХИН ГОЛЕ В СОВРЕМЕННОЙ МОНГОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

Монголы с большим уважением относятся к собственной истории. Известен целый пласт дошедших до нас исторических сочинений, среди которых «Сокровенное сказание монголов» (1240 г.), легенды и предания о Чингис хане и другие.

За последнее время в Монголии появились новые памятники и монументы тем или иным историческим, политическим деятелям и деятелям культуры. Например, 40 – метровая конная статуя Чингис хана в степи в восьмидесяти километрах от монгольской столицы и мемориальный комплекс Чингис хана на центральной площади Улан-Батора. При этом сама площадь вновь носит имя вождя народной революции Сухэ-Батора, а памятник ему не только не демонтирован, а ещё и выполнен в бронзе. В 15 микрорайоне столицы на улице Жукова, напротив русской православной церкви, существует и действует музей легендарного советского полководца. У входа в музей – бюст Г.К.Жукова и два артиллерийских орудия времён битвы на реке Халхин гол. На местах боёв в нынешнем Восточном аймаке установлены мемориальные стелы, действует исторический музей.

В течение 80 лет, прошедших со времён легендарной военной операции на реке Халхин гол (1939 год), эта тема освещается как монгольской литературой вообще, так и поэзией в частности. К 75-летию боевых событий был выпущен поэтический сборник «*Халх голын цадиг хууч*» («предания о Халхин голе»), где все произведения опубликованы на монгольском и русском языках в переводах Ж. Нэргуйя, О. Чинбаяра и Ш. Дугар. В него вошли стихи и поэмы Д.Пурэвдоржа, П.Бадарча, С. Оюун, Ш. Сурэнжава, А.Эрдэнэ-Очира, Ж. Баяржаргала, Б. Галсансуха.

Начиная с 1989 года Союз монгольских писателей, руководство Монгольской народной армией и другие организации проводят в Улан-Баторе поэтический конкурс «Солдат Родины», где молодые поэты представляют свои произведения патриотической тематики. В этом 2019 году конкурс был посвящён 80-летию событий на Халхин голе. В нём приняли участие свыше 25 молодых авторов, среди которых В.Нэргуй, Д.Гомбосурэн, Ч.Алтанхуяг, З.Ууганбаяр. Три призовых места заняли О.Цэнд-Аюуш со стихотворением «*Сашагийн захиа*» («Письмо Саши»), Д.Жаргалсайхан «*Мөрөөдөл*» («Мечта») и М.Амархуу со своим произведением «*Дайсны ухуулах хуудас*» («Вражеский агитационный листок»).

Г.С. КАРА-МУРЗА – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ХОЗЯЙСТВА И СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ
МОНГОЛИИ 1930-Х ГГ.

В 1931 г. в составе Монгольской экспедиции АН СССР был сформирован планово-экономический отряд. В круг стоявших перед ним задач входило обследование основных хозяйственных районов Монгольской Народной Республики, изучение и оценка перспектив развития ее экономики. В состав отряда, руководить работой которого специальным решением Секретариата ЦК ВКП(б) был назначен экономист П.В. Погорельский, вошли сотрудники московских институтов АН СССР и Коммунистической Академии². Среди них был и Г.С. Кара-Мурза, молодой исследователь, работавший в Коммунистическом университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена (КУТК).

Георгий Сергеевич Кара-Мурза родился в 1906 г. в Москве. По окончании Московского института востоковедения в 1930 г. он был принят научным сотрудником в КУТК и вскоре откомандирован в состав Монгольской экспедиции. По возвращении из Монголии в 1932 г. начал преподавать в Московском институте востоковедения и в 1935 г. стал его профессором. В 1939-1941 гг. Г.С. Кара-Мурза – профессор МГУ и старший научный сотрудник Института истории АН ССР. С началом Великой отечественной войны ушел добровольцем на фронт. 22 августа 1945 г. погиб в авиационной катастрофе во время выполнения боевого задания политуправления 1-го Дальневосточного фронта по ведению пропаганды среди населения Северного Китая и военнослужащих японской Квантунской армии.

Г.С. Кара-Мурза прежде всего известен как исследователь новой и новейшей истории Китая³. Вместе с тем недолгая, но весьма плодотворная экспедиционная работа в МНР добавила к портрету Кара-Мурзы новые штрихи, характеризующие его как социолога и экономиста, внесшего вклад в изучение Монголии. В собрании Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН в фонде П.В. Погорельского среди материалов Монгольской экспедиции хранится принадлежащий авторству Г.С. Кара-Мурзы отчет о полевых исследованиях социально-экономической ситуации в Восточном аймаке МНР в 1931 г.⁴ Следует заметить, что Монголия в то время переживала один из наиболее сложных и драматических периодов новейшей истории. В стране происходили инициированные государственными властями широкие общественные преобразования, названные впоследствии «левым уклоном»: массовая насильственная коллективизация аратских хозяйств, антибуддийская кампания, конфискация имущества монастырей и бывших князей. Из-за неурядиц с колхозами, гонений на лам и «светских феодалов» во многих районах МНР начались антиправительственные восстания. Население приграничных районов, пользуясь отсутствием охраняемой границы, массово бежало в Китай⁵.

2 Юсупова Т.И. Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности (1925-1953 гг.). СПб.: «Нестор-История», 2006, с.132.

3 Г.С. Кара-Мурза опубликовал больше ста научных работ. Основные из них: Тайпины. Великая крестьянская война и Тайпинское государство в Китае 1850–1864 гг. М.: Учпегдиз, 1941; Тайпины. Великая крестьянская война и Тайпинское государство в Китае 1850–1864 гг. М.: Учпегдиз, 1950; К вопросу о классовой сущности суньятсенизма / Проблемы Китая, 1931, №6-7.

4 Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге, ф. 104, оп. 1, ед. хр. 248.

5 Рошин С.К. Политическая история Монголии (1921-1940). М.: Институт востоковедения РАН, 1999, с.252.

Материалы, собранные экспедицией АН СССР, в том числе и упомянутый отчет Г.С. Кара-Мурзы, с нашей точки зрения, интересны малоизученными сведениями, свидетельствующими о существенной деформации традиционного монгольского общественного уклада, вызванной «левым уклоном». Одним из таких свидетельств могут служить подробные статистические данные о социальном составе и имущественном положении населения Восточного аймака, которые удалось собрать Кара-Мурзе. Согласно этим данным, в сомоне Ар-Джиргалангту, входившем в состав упомянутого аймака, числилось 19 «феодалов». К их числу «в большинстве случаев относились тайджи и несколько духовных лиц, среди которых был один конфискованный хубилган»⁶. Материальное положение всех этих «бывших феодалов» в 1931 г. было незавидным, поскольку сумма ежегодного подоходного налога, уплачиваемого ими всеми, составляла 546 тугриков. Вместе с тем избежавший конфискации богатый скотовод Батхуяг, не записанный властями в «феодалы», с доходов от одного лишь своего хозяйства за год внес в казну 8955 тугриков и 80 мунгу⁷.

Хотя в 1931 г. в Монголии существовали многочисленные ограничения и запреты наемного труда, но в юрте Батхуяга автором отчета были замечены несколько посторонних людей, которые помогали хозяину в домашней работе и в уходе за скотом. На вопрос о том, кто эти люди, богатый хозяин отвечал, что «это его знакомые из ближайших юрт приходят к нему как к себе домой». Будучи спрошенным о количестве таких «бескорыстных помощников», Батхуяг затруднился с ответом, но предположил, что таковых гораздо больше ста⁸. Из приведенных обстоятельств Кара-Мурза сделал вполне обоснованный вывод, что институт найма бедных скотоводов богатыми путем раздачи скота на выпас продолжал процветать вопреки противодействию властей. Заметим, что бороться с подобными явлениями в тогдашней Монголии было бесполезно уже хотя бы потому, что согласно оценке имущественного положения жителей сомона Ар-Джиргалангту, содержащейся в цитируемом отчете, треть из них относились к беднейшей категории и могли прожить лишь за счет ухода за скотом богачей.

Опрос скотоводов из числа бедняков и середняков, проведенный Г.С. Кара-Мурзой, выявил и еще один любопытный феномен. Представители этой социальной группы на просьбу «сравнить жизнь до революции и сейчас», как правило, отвечали, что их нынешнее существование значительно легче прежнего. Главным аргументом, приводимым в обоснование таких ответов, было то, что раньше приходилось платить непомерные налоги, поскольку «феодал мог в любой момент прислать человека и угнать любое количество скота». «Сейчас же, - говорил один из интервьюируемых, - жить ему стало гораздо лучше в том смысле, что он заранее знает, сколько должен заплатить налога».⁹ Другой арат, прежде состоявший в качестве хамджилга (прислуги при табуне и кухне) у родовитого тайджи, сообщал, что был обязан вместе со своей семьей собирать и разбирать юрту князя при перекочевках, пасти скот и выполнять всякую другую работу по его поручению. После революции, когда был издан закон об освобождении хамджилга, арат покинул своего тайджи, и тот «обеднел, даже собаки не имея»¹⁰. Впрочем, следует учесть, что Кара-Мурза не знал монгольского языка, беседовал с аратами через переводчика, а потому вряд ли мог вызывать у них доверие и желание поделиться сокровенными мыслями о прошлом и о происходивших вокруг событиях. Но все же, в записанных им высказываниях небогатых скотоводов сквозит их недовольство

6 Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге, ф. 104, оп. 1, ед. хр. 248, с. 25.

7 Там же, с. 5.

8 Там же, с. 6-7.

9 Там же, с. 8.

10 Там же с. 50-51.

собственным незавидным материальным положением и, в общем, толерантное отношение к политике властей, декларировавших возможность достижения всеобщего равенства за счет «раскулачивания» представителей прежних общественных верхов. Отсюда, вероятно, проистекает то обстоятельство, что именно конфискация крупного скотовладения не привела в Монголии к немедленному возникновению столь же массовых протестов, как иные «левоуклонистские» реформы.

ВКЛАД ПЕТЕРБУРГСКИХ ЮРИСТОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЕ МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Доклад посвящен анализу роли научных работ петербургских юристов в монголоведных исследованиях. Состав этих специалистов достаточно разнороден. Одни закончили юридический факультет и остались в нем преподавать, либо же занимались другой деятельностью в сфере юриспруденции, включая научную (Д.Я. Самоквасов, М.А. Дьяконов, А.В. Леонтьев, Я.И. Гурлянд, Г.К. Гинс, С.В. Юшков), другие, окончив вузы в других городах, стали преподавателями юридического факультета Санкт-Петербургского университета (М.Н. Капустин, В.И. Сергеевич), третьи, получив юридическое образование в Санкт-Петербургском университете, тем не менее, стали представителями других научных направлений – общей истории (Т.Н. Грановский), этнографии (П.И. Небольсин), фольклористики (Н.О. Очиров).

Соответственно, вклад этих ученых в монголоведение оказался различным как по направлениям, так и по объему. Ряд упомянутых юристов, работавших «по специальности», являются признанными специалистами по истории отечественного государства и права (В.И. Сергеевич, М.А. Дьяконов, С.В. Юшков). В их работах прослеживаются механизмы монгольского (золотоордынского) управления на Руси, влияние монгольских политико-правовых традиций на последующее развитие русского государства и права. Некоторые историки отечественного государства и права или даже специалисты по отраслевым правовым дисциплинам, тем не менее, стали авторами специальных исследовательских работ по истории и этнографии права монгольских народов – собственно монголов, бурят, калмыков (Д.Я. Самоквасов, Я.И. Гурлянд, Г.К. Гинс). Один из основоположников отечественного сравнительного правоведения М.Н. Капустин использовал в своих трудах сведения о монгольском праве для сравнения с правовыми традициями других народов. Практикующий юрист, чиновник А.В. Леонтьев, изучая право казахов, проводил его сравнение с правовыми нормами монгольского права, стараясь выявить наличие или отсутствие общих источников в праве различных кочевых народов Евразии.

Те же выпускники юрфака Санкт-Петербургского университета, которые нашли себя в других научных сферах, соответственно не отразили в своих трудах результатов своего юридического образования. Так, П.И. Небольсин посвятил свои работы этнографии калмыков, в которых вопросы, связанные с правовым регулированием отношений у них, специально не рассматривались. Н.О. Очиров также не обращался специально к вопросам правового развития калмыков, сосредоточившись на изучении их эпоса и фольклора, а также некоторых этнографических аспектов. Т.Н. Грановский, став специалистом по истории европейского средневековья, тем не менее, в ряде работ обращался к опыту Монгольской империи и ее наследников (не затрагивая, впрочем, вопросы их правового развития).

Таким образом, вряд ли можно утверждать, что вклад большинства упомянутых петербургских юристов в развитие монголоведения оказался существенным, более того, в ряде случаев он был «опосредованным» (например, через анализ влияния Золотой Орды на государственность и право Русского государства). Тем не менее, как представляется, изучение этого вклада может быть небезынтересным, поскольку в работе ряда исследователей находит отражение междисциплинарный подход, который, как видим, возник и был востребован далеко не только в современных научных исследованиях. Также его изучение позволяет провести анализ аналогичного вклада других отечественных (и не только) правоведов в монголоведение, проследить общую тенденцию значения научных изысканий представителей смежных общественных и гуманитарных дисциплин в развитии монголоведных исследований.

ОБЗОР ДОКУМЕНТОВ АРХИВА А.В.БУРДУКОВА

Архив известного монголоведа-филолога, преподавателя и общественного деятеля Алексея Васильевича Бурдукова (1883–1943) и его дочери Таисии Алексеевны Бурдуковой Т.А.(1912–1987) был передан в Архив востоковедов ИВР РАН 16 декабря 2013 г. Инной Георгиевной Бурдуковой, вдовой сына Т.А. Бурдуковой в количестве 5 коробок и 3 связок. Поступившие документы были зарегистрированы как личный фонд Бурдуковых А.В. и Т.А. (Ф. 165). Большая часть архивной коллекции А.В. Бурдукова, содержащая дневники экспедиций, полевые материалы, была приобретена Калмыцким институтом гуманитарных исследований.

А.В. Бурдуков родился 30 марта 1883 г. в Тобольской губернии, в 12 лет был отдан на службу к бийскому купцу Я.Е. Мокину, который занимался торговлей с Монголией. А.В. Бурдуков 19 лет (1895–1913) проработал в торговой компании Мокина на реке Хангельчик в Западной Монголии. За время пребывания среди монголов Алексей Васильевич выучил разговорный монгольский язык и завоевал симпатии и доверие монголов. Его стремление приобщиться к духовной культуре монголов, интерес к знаниям предопределили в дальнейшем его деятельность как прекрасного знатока монгольского языка и этнографии, журналиста, коллекционера, оставившего после себя большое научное наследие по языку, фольклору, истории монгольских народов.

Переписка и знакомство А.В. Бурдукова с В.Л. Котвичем, Б.Я. Владимирцовым, Г.Н. Потаниным во многом способствовали формированию его научных интересов, в первую очередь с связанных с сбором коллекций письменных источников, фольклорных материалов, предметов быта и одежды, а также редких экспонатов для зоологического института.

В ходе научно-технической обработки фонда было сформировано более 130 единиц хранения. В разделе «Научные труды и материалы к ним» выделен подраздел «Статьи и заметки по монгольскому языку и истории монголов». Здесь представлены его первые работы о жизни монголов, начиная с 1921 г. Они представляют собой краткие заметки о монгольской прессе, а также статьи, опубликованные в журналах «Алтай» и «Сибирская жизнь» под псевдонимом «Чуец» и в газете «Сибирские огни», перевод «Монгольской революционной пьесы-хроники на злобу дня в 4-х действиях» Банзарагча с монгольского языка на русский.

Следующий этап жизни А.В. Бурдукова начинается в 1927 г. после переезда в Ленинград, где он стал преподавать монгольский разговорный язык и столкнулся с недостатком учебных пособий и словарей. Находясь на службе в Ленинградском Восточном институте, он составил для внутри институтского использования «Разговорник монгольского языка», который вышел как литографированное издание 1935 г. Для журнала «Колхозник» (выходившего в 1934–1939 гг.) написал в 1935 г справочную статью «Монгольская народная республика». Составил «Русско-монгольский словарь» (издан в 1937 г.).

А.В. Бурдуков уделял много времени изучению ойратских этнических групп – их этнографии, истории, языку, фольклору. Среди материалов на эту тему имеется ряд интереснейших работ, как изданных, так и не увидевших свет. Это статьи «Следы родового строя у современных ойратов», «Ойратские и калмыцкие сказители», «Калмыцкая Автономная Советская Социалистическая Республика» (написанная для журнала «Колхозник»), статья «Джангар», подготовленная совместно с Н.Н. Поппе в честь 500-летнего юбилея калмыцкого народного эпоса. Особое место занимают не опубликованные материалы – переводы торгутского варианта «Джангара», «Калмыцко-

русский словарь», «Курс лекций по калмыцкому языку». Интерес представляет опись калмыцких песен, собранных во время фольклорной экспедиции.

Архивный фонд содержит ценные документы биографического характера, материалы о его научной деятельности, письма, фотографии, карты, труды других лиц, которые отражают путь становления ученого монголоведа и характеризуют разные аспекты его жизни. Фонд А.В.Бурдукова представляет собой богатое наследие российской науки первой половины XX в., изучение его открывает новые страницы истории отечественного монголоведения, которые помогут расширить научные знания истории и культуры монгольских народов.

МОНГОЛЬСКИЙ ПЕРЕВОД ТРАКТАТА О МАГИЧЕСКИХ ЗАЩИТНЫХ СИМВОЛАХ «ВАДЖРНАЯ ГИРЛЯНДА»

Авторство сочинения «Ваджрная гирлянда» приписывается Падмасамбхаве (VIII в.), одному из ключевых персонажей истории распространения буддизма в Тибете. Этот текст содержит описание процесса создания и перечень функций 109 защитных символов (тиб. *bsrung ba*) или чакр (тиб. *tsa+kra* — от санскр. *cakra* ‘круг’). «Ваджрная гирлянда» входит в цикл *терма* «Собрание устремлений гуру» (тиб. *bla ma dgongs pa 'dus pa*), составленный Сангье Лингпой (1340–1396). Некоторые из этих защитных символов со ссылкой на само сочинение были опубликованы Рене Небески-Войковицем [Nebesky-Wojkowitz, 1998: Plate XX]. «Ваджрная гирлянда» также стала одним из основных источников для книги Тадеуша Скорупского «Тибетские амулеты» [Skorupski, 2009 (1983)]. Было бы логичным встретить в магической традиции Тибета случаи использования отдельных символов из этого собрания, и в самом деле, такие примеры можно найти в коллекции тибетских амулетов, опубликованной Ником Дугласом [Douglas, 1978: № 27, 28]. Н. Дуглас, впрочем, отмечает, что на молитвенном флажке (№ 27) эти символы видеть странно, так как «обычно они считаются слишком могущественными для глаз обычного человека». Наконец, большую помощь в работе с текстом «Ваджрной гирлянды» оказывает русский перевод, выполненный Д. Б. Малышевым [Малышев, 2017] — этот перевод не был предназначен для научной публикации, он буквален и в силу этого имеет некоторые шероховатости, но ценен прежде всего тем, что сводит воедино четыре различных тибетских издания текста, отличающиеся между собой порядком защитных символов и другими нюансами.

В коллекции ИВР РАН под шифром С 478 хранится уникальный анонимный перевод трактата «Ваджрная гирлянда» на монгольский язык [Сазыкин, 1988: № 2306]. Рукопись состоит из 19 листов размером 9×31 см, текст написан на синей русской бумаге с филигранью «1810». При создании рукописи были использованы черные и красные чернила: черные — непосредственно для самого текста, красные — для прочерчивания рамки текста и изображения защитных символов. Рукопись поступила в собрание Института из Казанской духовной академии в 1927 г. Название текста на титульном листе дано на тибетском языке: *au+dyan rin [p]o [ch]e'i mdzad [pa] 'i tsa+kra brgya rtsa brgyad pa bzhuks so* ‘Сто восемь чакр, созданных Ринпоче [из] Уддияны (Падмасамбхавой)’. Монгольское название отсутствует. Там же рукой неизвестного сделана надпись на русском языке в старой орфографии: «Таинственные предохранительные средства от смерти и всяких недугов. Монг[ольская] рук[опись]». Надпись эта, очевидно, делалась человеком, тибетского языка не знавшим, так как титульный лист с тибетским названием при ее выполнении был перевернут вверх ногами.

Следуя за тибетским оригиналом монгольский текст имеет трехчастную структуру:

- 1) Вводная часть, в которой поясняется цель создания текста и даются общие инструкции по созданию чакр (л. 1b–2b).
- 2) Описание процесса создания и функций 113 чакр (л. 3a–17a).
- 3) Описание ритуалов освящения, завершающих процесс изготовления защитного символа (л. 17a–19a).

Интересной особенностью монгольского перевода является наличие четыре дополнительных защитных символов, которых нет в тибетском оригинале. В нашем докладе, посвященном в целом особенностям перевода данного текста и графической передачи описываемых в нем символов, эти добавленные элементы будут рассмотрены особо.

«Ваджрная гирлянда», будучи частью цикла «Собрание устремлений гуру», относится к традиции Дзогчен, которая в монгольской переводной литературе

представлена незначительным (на фоне абсолютного преобладания традиции школы Гелуг) числом текстов. Факт существования этого перевода, выполнить который анонимного переводчика побудил, очевидно, прикладной и утилитарный характер трактата, заслуживает того, чтобы быть отмеченным в истории монгольской переводной литературы. Я надеюсь, что готовящаяся мной в настоящее время публикация факсимиле и перевода этой рукописи на современный монгольский и русский языки выполнит эту задачу в полной мере.

Список литературы:

Малышев, 2017: Из собрания сущностного смысла гуру: Собрание защитных чакр «Ваджрная гирлянда». Перевод с тибетского языка Д. Б. Малышева, опубликован 06.01.2017: http://annutara.info/protection_chakra_collection_vajra_garland.html

Сазыкин, 1988: *Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. Том I. М.: Наука, ГРБЛ, 1988.

Douglas, 1978: *Tibetan Tantric Charms and Amulets: 230 Examples Reproduced from Original Woodblocks / Selection and Text by Nik Douglas.* New York: Dover Publications, 1978.

Nebesky-Wojkowitz, 1998: *Nebesky-Wojkowitz R. de.* Oracles and Demons of Tibet: The Cult and Iconography of the Tibetan Protective Deities. Delhi: Classics India Publications, 1998.

Skorupski, 2009: *Skorupski T.* Tibetan amulets. Bangkok: Orchid Press, 2009 (Первое издание: 1983).

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОНЯТИЯ *YEKE MONGYOL ULUS*

Вопрос о *yeke mongyol ulus* так или иначе затрагивается в большинство монголоведческих исследований, связанных с этногенезом, политогенезом и поисками национальной идентичности. И в исторической литературе, и, благодаря ей, в обыденном сознании, понятие «Великое Монгольское государство» настолько прочно закрепилось, что неясность его значения практически не осознается. Между тем этот перевод или интерпретация – порождение поздней историографической традиции; внутри оригинального текста «Сокровенного сказания» нет эксплицитного представления словосочетания *Yeke Mongyol ulus*.

Известно, что территорий, на которых монголы проживали до образования империи Чингис-хана, было две. Первая – та, откуда вышли группы, которые создали ранние кочевые объединения, впоследствии составившие ядро Монгольской империи; вторая территория – та, на которой, благодаря деятельности Чингиса и его предшественников, империя начала формироваться.

Монголы, обозначенные в китайской историографии одним и тем же именем мэнгу, соотносятся с землями, лежавшими и к северо-востоку, и к юго-западу от Цзинь. Северо-восточная территория имела самостоятельное значение и соседствовала с Кореей; Монголия же на юго-западе называлась *yeke*, то есть «великой», и связывалась с проживавшими там же татарами.

Представляет интерес проблема самоидентификации средневековых монголов, начиная с доимперского периода, когда отмечается факт их пребывания на двух территориях. Первоначальная территория расселения находилась по рекам Аргунь и Амур (*usutu mongyol* – «водные монголы»). Вторая территория — это Трехречье (Онон, Керулен, Тола); оно обозначалось, по мнению многих монголоведов, как «Великое Монгольское государство» (*Yeke Mongyol ulus*). На мой взгляд, этот перевод или интерпретация является порождением поздней историографической традиции. На самом деле его значение архетипично, имеет преимущественно пространственную семантику и не связано с завоеваниями Чингис-хана. Слово «великая» (*yeke*) указывает на территорию вторичной колонизации, неоднократное подтверждение чему мы имеем в мировой истории (Great Britain, Magna Grecia/ в Южной Италии, Ungaria Maior / Ungaria Magna на востоке, Great Russia).

Из района к югу от р. Аргунь ранние монголы мигрировали, как предполагают исследователи, во второй половине X в. – первой половине XI в. на территорию Трехречья, которая стала называться Великой Монголией. «Когда монголы (мэн жэнь) вторглись в государство Цзинь, [они] назвали себя великим монгольским государством (да мэн-гу го). Поэтому пограничные чиновники прозвали их Монголией (Мэн-гу)», – писал Ли Синьчуань. Действительно, в период с 1135 по 1147 годы между монголами и чжурчженями происходили многочисленные столкновения.

С большой долей уверенности можно утверждать, что период, в течение которого группы речных монголов, перекочевывавших с Аргуни-Амура в Трехречье, останавливались в степях, был продолжительным, и это отразилось в китайском тексте, изображающем их степняками-кочевниками. Движение большой группы людей с Амура в Трехречье не было мирным, земли, где приходилось останавливаться, брались с боем. Представляется, что именно эти стычки за территорию жизнеобеспечения, которые пришлось вести ранним монголам-мигрантам, китайской историографией были отождествлены с действиями всех монголов Хабул-хана и его преемников в Великой Монголии. Главное же заключается в том, что, несмотря на всю эту неразбериху с очередностью событий, а отчасти и с их сутью, в китайской историографической традиции – традиции, заметим, хорошо развитой – упорно говорится о двух территориях,

на которых проживали этнические группы с одинаковым именем – субъекты политической практики региона. И уже на старой территории термин «монгол» использовался, видимо, и как этноним (причем скорее всего обозначал и малую группу – род, и более крупную – племя), и как политоним. На территории вторичной колонизации, в Великой Монголии, этноним «монгол» «звучал», тогда как на территории первоначального проживания, где монголы или монголы-шивэй не столь активно участвовали в политических событиях того времени, он уже не был «звучным»; но все же не остался незамеченным.

Даже при условии полного совпадения иероглифического написания названий обеих групп (занимавших территории первичной и вторичной колонизации) нельзя говорить о совпадении состава этих групп. Речь может идти только об одинаковом обозначении лидирующей (правлящей) ее части, давшей имя и всему сообществу. Рассматриваемый период – время постоянного переструктурирования социально-политических объединений. Соответственно требовались столь же регулярное переосмысление и пересмотр границ своей общности; идентификация и самоидентификация становились целым рядом выборов; выбор же в рамках иерархии идентичностей делался по ситуации, – происходила своеобразная «смена одежд». Только понимание того, что идентификация – постоянный, непрекращающийся процесс, позволяет приблизиться к адекватной реконструкции событий.

По имеющимся в распоряжении исследователей материалам вряд ли возможно датировать с точностью до года появление *Yeke Mongol ulus* как обозначения определенной политики к юго-западу от северного Китая; зато можно с высокой степенью уверенности утверждать, что обозначение это как обозначение монголов отмечено для первой половины XII века в связи с монголо-чжурчженьскими стычками.

Таким образом, китайская историографическая традиция позволяет утверждать, что две Монголии существовали не только в представлениях, были не только «воображаемыми» сообществами, но и объектами реальной внешнеполитической практики Китая. По имеющимся в распоряжении исследователей материалам вряд ли возможно датировать с точностью до года появление *Yeke Mongol ulus* как обозначения определенной политики к юго-западу от северного Китая; зато можно с высокой степенью уверенности утверждать, что обозначение это, как обозначение монголов Трехречья, отмечено уже для первой половины XII века, задолго до рождения Чингис-хана.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВНЕШНЕЙ МОНГОЛИИ В 1921 – 1922 ГГ.

Проблема международного статуса Монгольского государства. Политические реалии начала 20-х гг. XX в. определили два главных направления внешней политики нового Народного правительства Монголии, возглавленное «красными монголами» – российское и китайское. Причем, развитие отношений формирующегося монгольского государства с двумя его соседями и внешнеполитическими партнерами в каждом из случаев подчинялось разным закономерностям и имело принципиальные отличия.

Советская Россия военными и политическими средствами во многом способствовала появлению в июне 1921 г. в Урге союзного ей правительства.

Что касается Китайской Республики, то ее власти рассматривали территорию Внешней Монголии как регион, на который должна распространяться юрисдикция пекинского правительства, и исключали для себя даже гипотетическую возможность признания за «ургинскими сепаратистами» прав на государственный суверенитет и независимость.

Попытки монгольских властей урегулировать отношения с Китаем. Пришедшее к власти Народное правительство учитывало, что урегулирование отношений между новой Монголией и Китаем – проблема сложнейшая и длительная. Чтобы начать постепенно ее решать, оно обратилось 10 сентября 1921 г. к правительству РСФСР с просьбой о посредничестве в установлении мирных отношений с властями Китайской Республики.

Несколько раньше и в иных обстоятельствах ургинское правительство уже демонстрировало стремление прибегнуть к помощи третьей стороны в налаживании контактов с официальным Пекином. В данном случае, впрочем, речь идет не о Народном монгольском правительстве, а о его предшественнице – администрации, во главе которой стоял Богдо-гэгэн. Ее представители, еще во время захвата Урги бароном Унгерном, 15 февраля 1921 г. обратились к менеджеру фирмы The Mongolian Trading Co. А. Гуптиллу с просьбой передать приглашение американскому консулу приехать и ознакомиться с положением дел в Монголии, а также с просьбой к Америке выступить посредником между Монголией и Китаем.

«Монгольский вопрос» в международных отношениях на Дальнем Востоке в начале 1920-х гг. Если рассматривать вопрос о возможном начале монголо-китайских переговоров, то следует заключить, что в рассматриваемый период не существовало даже минимальных объективных предпосылок к налаживанию политического диалога между Ургой и Пекином. Северное правительство Китая, которое среди всех прочих правительств, существовавших на тот момент в этой стране, выступало официальным выразителем общегосударственных интересов на международной арене, исключало даже гипотетическую возможность признания ургинского правительства равноправной стороной переговоров по любым вопросам внешне и внутривнутриполитической повестки дня.

Что касается посреднических усилий США, то они в рассматриваемый период не могли повлиять на разрешение непреодолимых противоречий в сфере монголо-китайских отношений. 12 сентября 1921 г. Народное правительство направило ноту официальным властям Соединенным Штатам Америки, в которой известило их о завоевании независимости и предложило установить равноправные дипломатические и торговые отношения между двумя государствами. Однако американские власти игнорировали это предложение и отказались признать независимость Монголии. Американская сторона относилась к монгольскому вопросу с позиции ограничения влияния Японии и России на Дальнем Востоке, сохранения территориальной целостности и административного единства Китая в границах бывшей Империи Цин, роста торговли со странами Дальнего

Востока и инвестиций в их экономику за счет вытеснения из этих сфер иных держав, ослабленных после Первой мировой войны.

Что до советского руководства, то оно демонстрировало приверженность собственным политическим целям и поддерживало борьбу монгольского народа за независимость от Китая, но только до тех пор, пока эта борьба соответствовала его интересам. В правительстве РСФСР и в Коминтерне, безусловно, учитывали всю сложность проблем, которые в 1921 г. сложились в сфере советско-китайских отношений. При этом позиция советского политического руководства состояла в том, что отделение Монголии от Китая, фактическое содействие которому Советская Россия начала оказывать с 1921 г., не должно было стать неодолимой преградой к установлению официальных дипломатических отношений между РСФСР и Китайской Республикой.

Ход политических событий и их результаты. 5 ноября 1921 г. состоялось подписание соглашения между правительством РСФСР и Народным правительством Монголии об установлении дружественных отношений между Россией и Монголией. На момент его подписания советско-монгольское соглашение, безусловно, имело весомое и многоплановое политическое и международно-правовое значение.

С точки зрения России, соглашение с Монголией было одним из свидетельств тому, что советские власти постепенно выходили из международной изоляции, налаживались их первые международные контакты. Что же касается монгольской стороны, то с заключением советско-монгольского соглашения внешнеполитическое положение Внешней Монголии упрочилось, однако все же оставалось весьма сложным и противоречивым. Ее международный статус сохранил те же черты неопределенности, что и в 1911 – 1919 гг., в предшествующий период монгольской истории. Новое Народное правительство провозгласило независимость от Китая, но эта независимость по-прежнему не признавалась ни официальным Пекином, ни иными государствами-участниками тогдашней системы международных отношений. Де-юре Внешняя Монголия оставалась частью Китая, хотя де-факто с 1921 г. она при помощи Советской России начала укреплять приобретенные ею в 1911 г. признаки независимости от пекинских властей. Началась длительная, упорная борьба за урегулирование отношений Монголии с Китаем и за ее широкое международное признание. Эта борьба растянулась на два с половиной десятилетия, вплоть до 1945-1946 гг.

КОЛОФОНЫ УЙГУРСКИХ РУКОПИСЕЙ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
БУДДИЗМА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (НА ПРИМЕРЕ
МАХАВАЙПУЛЬЯБУДДААВАТАМСАКА-СУТРЫ)

Махавайпульябуддааватамсака-сутра (санскр. Mahāvaiṣṭyabuddhāvataṃsaka sūtra, кит. хуаянь цзинь, 華嚴經, букв. «Гирлянда сутр, украшающая Просветлённого») представляет собой сборник текстов, получивших широкое распространение во всех буддийских традициях Центральной и Восточной Азии. В буддийской традиции Китая известно три значительно отличающихся между собой сборника с одинаковым названием Дафан гаунь фо хуаянь цзинь (кит. 大方廣佛華嚴經). Первый в переводе Буддхабхадры (санскр. Buddhābhadrā, кит. 佛華嚴經, 359-429) 418-420 гг. состоит из 60 цзюаней. Вторым, из 80 цзюаней, был составлен в период династии Тан в 695-699 гг. известным буддийским учителем Шикшанандой (санскр. Śikṣānanda, кит. 實叉難陀, 652-701) и его учениками. Особое место занимает сборник из 40 цзюаней (кит. 四十華嚴, переведенный, по всей вероятности, с санскрита известным проповедником буддизма Праджней (санскр. Prajñā, кит. 般若, VIII в.) в 795-798 гг., и представляющий собой своего рода компиляцию последней части Махавайпульябуддааватамсака-сутры из 80 цзюаней - «Главы о вхождении в Дхармадхату» (кит. жуфацзе пинь, 入法界品), которая соответствует санскритскому тексту Гандавьях-сутры (санскр. Gaṇḍavyūha, букв. «Сутра, [представляющая] облачение [Будды] из цветов»).

Именно он получил широкое распространение среди народов Центральной Азии, в частности среди уйгуров. Об этом свидетельствует значительное количество фрагментов уйгурских рукописей этой сутры в мировых библиотеках и хранилищах [1, Р. 58-60; 2].

Более 40 идентифицированных на сегодняшний момент фрагментов этого сочинения, известного среди тюркских народов под названиями *M(a)xa vaipulya budapadmalangk(a)r* (санскр. mahāvaiṣṭyabuddhāpadmālaṅkāra) и *Qayimki ~ Quayimki* (от кит. хуаянь цзинь, 華嚴經) хранится в отделе рукописей и документов ИБР РАН. В ходе кодикологического и археографического анализа было установлено, что эти фрагменты являются частями, по меньшей мере, пяти рукописей формата бодхи разного размера. Тем не менее, обнаруженные частично пересекающиеся фрагменты (SI 1467 (инв. 1467 (SI Kr II 5-10)) и SI 5344 (инв. 5400 (SI Kr IV 449a)) двух рукописей позволяют практически полностью восстановить уйгурский колофон этого текста:

... baxši-lar : änatk[äk til]i[ntin tavyač] tilinčä aqtarmiš: amtī yana kim ol uluy mongol uluši-līy r(a)tnadvip otruy-daqi : : taqi čingiz qanliṅ čintamani ārdini-ning iduq orun-ın ulayu sapa tutup: čambudivip yertinčüg: alqu ārksinü y(a)rlıqadači : t(ä)ngri töz-lüg bodistv uyuş-luy :: möngkä qayan qanımz-nıng uyrayı k(ä)ntü utči inisi tuṣa b(ä)lgürü y(a)rlıqamış idimz igäm(i)z iduq iligimz:: ariq bökä tegin y(a)rlıy-ınga: k(ä)ntü dintari kenki boşyutluy beş balıq-(liq) antsang baxši tutung t(a)vyač tilintin türk tilinčä ikiläyü ävirmiş: m(a)xa-[vaip]ulya budap(a)tmalangk(a)r tegmä [uluy] bulung yıngaṣ sayuqi ärtinḡü keng alqiṣ: burxan-lar-nıng länhua čäčäk üzäki ätiḡi yaratıṣ-ı atl(i)ḡ sudur nom bitig-tä :: [saqınyuluq]-suz söz-[lägölük]-süz oz-[maq qutrulmaq-lıy adqanıy uyuş tegmä samantabadrä bodistv-nıng yoriq qut qolunmaq-lıy nom uyuş-ınga kirmäk atl(i)ḡ : qırqinč bölük [..... tägzinč :] namo but : namo dr(a)m : namo sang :

...[буддийские] учителя перевели [Аватамсака-сутру] с санскрита на китайский язык. Теперь же, по указанию принца Ариг Буга, нашего повелителя и правителя, который по праву рождения является младшим братом Мунке Хаган хана, пребывающего в Великом монгольском улусе – Ратнадивпе, восседающего на священном драгоценном троне-чинтамани Чингис-хана и управляющего всем миром Джамбудви́па, его монах из [города] Бешбалык Анцзан, [имеющий титул] Бакши Тутунг, заново перевел с китайского на тюркский язык. Глава 40 ... Махавайпульябуддааватамсака-сутры под названием

«Вхождение в дхармадхату – сферу освобождения [из сансары], которую невозможно познать или выразить словами, в которую включены благословения и обеты будды Самантабхадры». Намо будда! Намо дхарма! Намо сангха!

В колофоне сказано, что перевод этого текста на уйгурский язык осуществил известный переводчик буддийских сочинений Анцзан (кит. 安藏, ? -1293). Биография этого учителя и проповедника довольно подробно освещена в различных китайских источниках. Так, например, в сочинении «Чэн сюэло вэньцзи» (кит. 程雪樓文集) сказано, что Анцзан родился в китайской семье¹¹ в городе Бешбалыке (кит. 別石八里). Обучаясь у различных учителей, он в возрасте 13 лет уже знал наизусть Абхидхармакошабхасья-сутру (санскр. Abhidharmakośabhāṣya), а в 15 – полностью прочитал буддийский и конфуцианский каноны. В 19 лет Анцзан был принят на службу в качестве сначала писца и переводчика, а впоследствии и наставника при монгольском дворе. В предисловии к «Каталогу буддийских канонических сочинений эпохи Юань» (кит. чжиюань фабао каньтун цзунлу, 至元法寶勘同總錄 zhiyuan fabao kantong zonglu) сказано, то Анцзан выступал в качестве корректора различных буддийских терминов, а также перевел на китайский язык

Арьятратабуддхаматрикавимшатипугастотра-сутры (санскр. Āryatrātabuddhamātrikavimśatipūgastotrasūtra, кит. Шэнцзю дуфу му эрши-и чжун ли цзань цзин, 聖救度佛母二十一種讚經). Имя Анцзана упоминается в колофоне сочинения «О прибытии в Китай сандалового будды» (тиб. Tsan dan gyi sku rgya nags na bzhugs pa'i byon tshul bzhugs so), включенного в тибетский Данджур. В колофоне сказано, что этот текст является переводом сочинения, переведенного, в свою очередь, с китайского на уйгурский язык Анцзаном [3, Р. 503-504].

Инициатором перевода Аватамсаки-сутры с китайского языка назван сын Толуя (монг. Tolui, 1192–1232), младший брат четвертого великого хана Монгольской империи Мунке (монг. Möngke, 1208-1259) – Ариг-буга (монг. Ariγ būge, 1219-1266).

В уйгурском колофоне отсутствует какая-либо информация о времени перевода сутры. Однако, упоминание этих монгольских ханов позволяет сделать предложение о возможной датировки текста. Использование в колофоне эпитета Анцзана «монах [Мунке-хагана]» указывает на то, что перевод был осуществлен в период с 1251, года вступления Мунке-хагана на престол, до 1259 г., когда он умер во время похода на Южную Сун.

Предположение о более точной датировке перевода можно сделать исходя из сведений в китайских и позднемонгольских исторических сочинениях, упоминающих о проведении диспута между даосскими и буддийскими учителями в период правления Мунке [4; 5]. Из китайских исторических хроник известно, что причиной для проведения диспута послужили захват последователями даосизма буддийских монастырей, а также составленный даосами текст под названием «Изображения 81 преобразования Лао цзы» (кит. лаоцзы баша-и хуату, 老子八十一化圖), распространяющее идею о превосходстве даосского патриарха над буддой Шакьямуни. В сочинении «Чжиюань бянй вэйлу» (кит. 至元辨偽錄) сказано, что буддийский монах по имени Фу-юй (кит. 福裕) из монастыря Сяолин (кит. 少林寺) направил Анцзана ко двору Ариг-буга с жалобой на вышеуказанный текст. Именно Ариг-буга выступил инициатором диспута между даосским патриархом Ли чжичаном (кит. 李志常) и буддийским монахом Фу-юйем в Каракоруме в 1255 г. В «Чжиюань бянй вэйлу», что Анцзан участвовал в этом диспуте в качестве переводчика [6, Р. 123-124].

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать предположение, что текст «Махавайпульябуддааватамсака-сутры» был переведен в процессе подготовки к диспуту, т.е. в 1255 г. По всей вероятности, именно этот факт привел к широкому

11 Об этом можно судить благодаря тому, что в сочинении упоминаются имена деда и отца Анцзана – Сяо чэндо (кит. 小乘都) и Тяньцзан (кит. 腆藏).

распространению Аватамсаки-сутры из 40 цзюаней среди уйгуров, прежде всего в виде рукописей.

Использованная литература:

1. Yukiyo Kasai. Die uigurischen buddhistischen Kolophone. Berliner Turfantexte XXVI. Turnhout: Brepols, 2008.
2. Abdurishid Yakup 2008: Berlin fragments of the block-printed Uyghur edition of the Buddhāvataṃsaka-sūtra in forty volumes// Aspects of research into Central Asian Buddhism in Memoriam Kōgi Kudara. Silk Road Studies XVI, 2008. P. 435-459.
3. K. Sørensen. The Mirror Illuminating the Royal Genealogies: Tibetan Buddhist Historiography : an Annotated Translation of the XIVth Century Tibetan Chronicle : rGyal-rabs gsal- ba'i me-long. Otto Harrassowitz Verlag, 1994.
4. Sechin Jagchid. The Mongol Khans and Chinese Buddhism and Taoism. In: The Journal of the International Association of Buddhist Studies, Vol. 2-1. P. 7-28.
5. Jun Nakamura. Re-examination of "the Dispute between Taoism and Buddhism" during the Mongol Period: The Way to the Qubilai's Rule in China// Tōyo Gakuhō, № 75-3. P. 229-259.
6. Juten Oda. On the Uigur Colophon of the Buddhāvataṃsaka in Forty Volumes// Bulletin of Toyohashi Junior College, 1985, No. 2. P. 121–127.

МОНГОЛЬСКИЕ ФОТОКОЛЛЕКЦИИ В СОБРАНИИ РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Монгольское собрание фотографий Российского этнографического музея (РЭМ) формировалось с 1905 по 1948 гг. за счет поступлений от частных лиц и организаций, а также путем экспедиционных сборов. Его основу заложила коллекция снимков, сделанных в 1898 г. Д.А. Клеменцем во время археологической экспедиции в Восточный Туркестан, организованной Российской Академией наук (№ 774, 73 фотографии, 13 стеклянных негативов). На фотографиях запечатлены древние памятники Турфана, антропологические типы местных жителей (монголка в традиционном костюме из гор Бантык-богуо, геген и трое монахов из Кобдо).

Наиболее ранними в монгольском собрании РЭМ являются снимки, выполненные фотографом А.Э. Боярским во время Русской учено-торговой экспедиции по Китаю в 1874–1875 гг. (№ 5035, 4 фотографии). К этому же периоду относятся фотографии, сделанные С.Б. Тумановым во время путешествия по Восточной Сибири и Монголии в 1878–1879 гг. (№ 9630, 30 фотографий, среди них 11 – по традиционной культуре монголов), а также 5 фотографий Н.А. Чарушина из серий «Типы Монголии» и «Виды Урги», сделанные им в Монголии в составе экспедиции Г.П. Потанина в 1888 г. (№ 4738).

Значительный исторический и этнографический интерес представляет коллекция фотографий Н.К. Гапанюка, сделанных им в Урге 29 декабря 1911 г. во время торжественной церемонии провозглашения Богдо-гэгэна VIII на престол великого хана (Богдо-хана) Монголии (№ 4791, 10 фотографий).

Целенаправленный и комплексный сбор фотоматериалов по этнографии монголов был осуществлен Д.Э. Ухтомским во время экспедиции в 1913 г. в Монголию, совершенной им по заданию Этнографического отдела Русского музея. В ходе путешествия Д.Э. Ухтомским было сделано более 250 снимков, отражающих современные на тот момент быт и культуру халха-монголов (№ 4976, 238 фотографий; № 5059, 13 фотографий; 107 оригинальных пленочных негативов). На фотографиях запечатлены пейзажи, монгольские селения, традиционные жилые и хозяйственные постройки, средства и способы передвижения, бытовые сцены, виды г. Урга, торгового поселения Маймачен, антропологические типы. Коллекция содержит также снимки, отражающие буддийскую традицию: виды монастырей Гандантэгченлин и Амарбаясгалант, монастырский комплекс в Маймачене, сцены мистерии Цам в буддийском монастыре Амарбаясгалант, священные культовые места.

Наиболее поздние по времени создания монгольские фотографии содержатся в коллекции снимков С.А. Теплоухова, сделанных им в 1924 г. в г. Урга во время участия в Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова (№ 4723, 8 фотографий).

В целом, собрание фотографий по этнографии монголов, хранящееся в Российском этнографическом музее, содержит около 400 отпечатков и более 100 негативов, многие из которых являются раритетными. Они представляют значительный этнографический и исторический интерес, являясь ценным источником для исследования традиционной культуры монголов конца XIX – начала XX вв.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ МОНГОЛИИ РОССИЙСКИМИ УЧЕНЫМИ:
ПУБЛИКАЦИИ 2018 Г.

В 2018 г. вышли три книги, в которых освещены вопросы истории изучения Монголии российскими учеными с конца XIX в. до 1960-х гг. Две из этих работ – коллективные монографии, автором третьей является докладчик. Кратко представим эти публикации в хронологическом порядке рассматриваемых в них событий.

Первая книга: *Andreyev A., Baskhanov M., Yusupova T. "The Quest for Forbidden Lands: Nikolai Przhevalskii and his Followers on Inner Asian Tracks»* (Leiden; Boston: Brill, 2018) вышла в известном научном издательстве Brill. Монография представляет собой серию биографических очерков об известных российских путешественниках, исследователях Центральной Азии (Inner Asia) конца XIX – начала XX века: Н.М. Пржевальского (1839–1888), М.В. Певцова (1843–1902), В.И. Роборовского (1856–1910), П.К. Козлова (1863–1935), Б.Л. Громбчевского (1855–1926) и Г.Е. Грумм-Гржимайло (1860–1936). Все они (за исключением Б.Л. Громбчевского) внесли значимый вклад в изучение Монголии, ее территории и народов. В биографических очерках основной акцент сделан на научные достижения и открытия путешественников, на собранные ими естественно-исторические и археологические коллекции. Формат биографических эссе позволил авторам детально рассмотреть жизненные пути и деятельность путешественников, сфокусировать внимание на обстоятельствах, которые сформировали личности и научные интересы этих людей. Книга иллюстрирована многочисленными архивными фотографиями и картами с маршрутами всех экспедиций, большинство из которых проходило по территории Монголии.

Вторая книга: **История последней экспедиции П.К. Козлова в Монголию (1923–1926 гг.)** / Сост. С. Чулуун, Т. Юсупова, А. Андреев, М. Матвеева (Улаанбаатар: Изд-во: Адмон, 2018) вышла в серии «**Монголия и монголы**» (Вып. 4). Работа подготовлена коллективом российских и монгольских авторов как совместный проект Института истории и археологии Монгольской академии наук и Русского географического общества, издана в Монголии по инициативе академика С. Чулууна. В книге рассказывается об истории Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. – последней экспедиции известного российского путешественника, исследователя Центральной Азии.

П.К. Козлова. Большая часть ее деятельности проходила на территории северной и центральной Монголии. В непростой судьбе экспедиции отразились, с одной стороны, сложности встраивания исследовательских программ по изучению Монголии в новые социально-политические условия, а с другой – смены исследовательских методов в этом регионе. Работа экспедиции ознаменовалась крупными достижениями в географическом изучении Монголии и уникальными археологическими открытиями в захоронениях хунну в горах Ноин-Ула. Деятельность экспедиции в книге иллюстрируется фотографиями и цитатами из экспедиционного дневника П.К. Козлова.

Третья книга: **Юсупова Т.И. Советско-монгольское научное сотрудничество: становление, развитие и основные результаты (1921–1961)** (СПб.: Нестор-История, 2018) рассматривает изучение Монголии в рамках сотрудничества ученых СССР и МНР в 1920–1960-х гг. Среди направлений международной деятельности Академии наук СССР в этот период научные контакты с Монголией, с ее первым научно-исследовательским учреждением – Комитетом наук (до 1930 г. – Ученым комитетом) особенно выделяются по интенсивности и содержанию. Однако нередко монгольское направление остается в тени взаимодействия Академии наук с другими странами, прежде всего европейскими. Во многом это связано с имеющим место стереотипом восприятия сотрудничества с Комитетом наук МНР как преимущественно одностороннего вклада в этот процесс советских ученых и убеждением в превалировании политико-идеологической значимости

этих контактов над их содержательной стороной. В книге автор постарался развеять этот миф. В работе рассмотрены причины широкомасштабных советских научных инициатив в Монголии, их цели, задачи, содержание, правовое обеспечение, основные совместные проекты. Используемые в монографии многочисленные архивные материалы из российских и монгольских архивов позволили проанализировать советско-монгольские научные контакты в широком социально-политическом контексте. Большое внимание в книге уделено конкретным участникам научного взаимодействия – советским и монгольским ученым, их мотивациям и исследовательским программам, персональному вкладу в научное сотрудничество Академии наук СССР и Комитета наук МНР.

Монголия всегда привлекала внимание российских исследователей, что было связано с географическим соседством и с давними историческими связями наших народов. Кроме того, исследовательский интерес к ее территории, этнографии, истории и культуре народов, населявших эту страну, диктовался логикой развития целого ряда научных направлений. Известный российский зоолог А.Я. Тугаринов (1880–1948) по этому поводу в 1927 г. писал: «Можно с уверенностью сказать, что изучение ряда явлений, имеющих место на территории современной Монголии, может дать ключ к пониманию многих особенностей ... прилегающих частей Сибири... А если прибавить сюда то крупное значение, которое играла территория Монголии в более отдаленные времена, то всестороннее изучение огромных монгольских пространств приобретает исключительное значение для науки». История изучения российскими учеными Монголии подтверждает мнение уважаемого ученого.

БЕРЕСТЯНАЯ РУКОПИСЬ НА ЯСНОМ ПИСЬМЕ ИЗ АБЛАЙ-ХИТА

На востоке Казахстана, в 55 км к югу от г. Усть-Каменогорска, на юго-западных предгорьях Калбинского хребта находятся развалины джунгарского монастыря-крепости, известного под названием Аблай-хит или Аблайкит (от монг. *ablai-yin keyid* — монастырь Аблая). Монастырь был основан хошутским тайджи Аблаем и освящён ойратским Зая-пандитой Намхай-Джамцо (1599–1662) в 1657 году. Через несколько десятков лет крепость была покинута, а уже в 1720–30-е гг. вошла в историю востоковедения как одно из первых мест обнаружения рукописей на тибетском и монгольском языках, привезённых в Россию и Европу в первой половине XVIII в. Около полутора тысяч фрагментов буддийских рукописей, обнаруженных в 1734 г. в Аблай-хите, хранятся сегодня в Институте восточных рукописей РАН.

С 2016 г. на территории монастыря ведутся раскопки, начатые Институтом археологии им. А. Х. Маргулана МОН РК и продолженные организацией «Археологическая экспертиза» под руководством академика К. М. Байпакова. В ходе раскопок найдены десятки фрагментов берестяных рукописей. Находки хранятся в Областном историко-краеведческом музее г. Усть-Каменогорска и до сих пор не исследованы. В сентябре 2018 г. мне была предоставлена возможность познакомиться с хранящимися в музее материалами и коротко поработать с избранными экземплярами, представляющими особую ценность.

Большая часть фрагментов — это повреждённые листы берестяных рукописей не более 10 см длиной. На многих из них заметны следы текста, написанного чёрной тушью, однако до проведения реставрационных процедур прочитать текст удаётся лишь в редких случаях. Насколько можно судить по наиболее хорошо сохранившимся образцам, чаще всего встречаются фрагменты мантр, записанных с помощью тибетского алфавита. Значительная часть берестяных рукописей была обнаружена при раскопках северной, приалтарной части храма. Можно предположить, что берестяные книги-амулеты были заложены в стены или фундамент при строительстве (гипотеза, требующая подтверждения).

Среди просмотренных материалов мне удалось выявить четыре фрагмента берестяных рукописей с текстом на монгольской графике, обнаруженные в восточной части храма. В трёх случаях текст записан Ясным письмом (ойр. *todo bičiq*) на ойратском языке, четвёртый же фрагмент сильно повреждён и загрязнён, что не позволяет точнее судить ни об алфавите и языке, ни о содержании текста.

Текст фрагментов на Ясном письме удалось прочесть и идентифицировать как ойратский перевод сутры Праджняпарамита-хридая (санскр. *prajñāpāramitāhriḍaya*) авторства Зая-пандиты. Это фрагменты трёх листов берестяной рукописи формата потхи, в неповреждённом виде имевшей размер примерно 5 × 10 см. На каждой стороне листа помещается от 9 до 12 строк, в левом поле на стороне *recto* была проставлена пагинация на ойратском языке, которая читается только на одном, наиболее хорошо сохранившемся листе под номером 13 (ойр. *arban yurban*). Этот лист имеет лишь незначительную утрату одного из углов (1 × 4 см). Второй фрагмент представляет собой узкую полоску размером 1 × 10 см, на которой различимы только обрывки слов, однако путём текстологического сличения с полным ойратским текстом сутры удалось установить, что это часть одного из предшествующих листов той же рукописи (вероятно, листа 9 или 10). Третий фрагмент содержит начальный фрагмент текста сутры — вероятно, это лист под номером 2. Почерк на этом листе несколько отличается от почерка на листе 13, однако это отличие можно объяснить тем, что первые листы рукописей, как правило, писали более аккуратным, каллиграфическим почерком.

Берестяные рукописи на Ясном письме являются большой редкостью, что придаёт хранящимся в Усть-Каменогорске фрагментам исключительную ценность. Кроме того, описанный выше текст представляет собой ранний образец рукописи на Ясном письме, созданный, возможно, ещё при жизни Зая-пандиты. Берестяные рукописи, которые находят в настоящее время на территории Аблай-хита, заслуживают внимания исследователей ойратской словесности.

СЛОВАРИ В МОНГОЛЬСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ ИВР РАН

В монгольском фонде Отдела рукописей и документов ИВР РАН хранится репрезентативная коллекция словарей, которая показывает большое разнообразие лексикографических текстов, созданных на протяжении XVIII – XIX вв. Они отличаются не только по количеству языков, в них представленных (от двух до пяти), но и по их организации (алфавитные и тематические). Есть в коллекции ксилографические издания (пекинские и бурятские) и рукописи. Общее количество названий словарей превышает 50, а если считать и дубли, то число возрастет до 200.

Среди этого многообразия основное место занимают двуязычные тибетско-монгольские издания словарей. Создание их было напрямую связано с возрождением интереса к буддизму в конце XVII – начале XVIII вв. и покровительством императоров империи Цин (в первую очередь Канси и Цяньлуна) буддийскому учению и издательскому делу в Пекине. В этот период было составлено и напечатано ксилографически несколько словарей: «Море имен» (1718 г.), «Легкий для понимания» («Тогбар Лаба») (30-е годы XVIII в.), «Источник мудрецов» (1742 г.), «Гвоздичный замок» («Ли-ши Гур-хан») (1742 г.), «Лунный свет» (1838 г.).

Выдающимся образцом лексикографического сочинения является объемный (около 400 листов) четырехтомный тибетско-монгольский словарь «Океан имен», составленный рабджембой Гунга-Джамцо. Каждый из томов словаря посвящен отдельному аспекту. Первый том, единственный, написанный только на тибетском языке без монгольского перевода, представляет собой удивительное по подробности грамматическое руководство по построению всех возможных комбинаций тибетских графем для построения слога. Автор словаря, воздавая должное трактату «Сумчупа» Тхонми Самбхоты, предлагает свой метод запоминания построения тибетских слогов и приводит не только правила, но и около 15000 всех теоретически возможных слогов (включая слоги с огласовками). Второй том – это список тибетских предикативных конструкций с переводом на монгольский, третий том – собственно тибетско-монгольский алфавитный словарь, в четвертом томе описывается сон автора, в котором он получает благословение на составление словаря. Сочетание грамматической части и словарной в одном издании – это продолжение традиции более ранних тибетских словарей с санскритскими параллелями, некоторые из которых («Шкатулка драгоценностей», «Лампада языка мудрецов») были позже переведены и на монгольский язык. Влияние тибетской традиции (а в конечном счете, индийской) просматривается и в стихотворных вставках в тексте словаря «Море имен». В стихах написаны вводные строки поклонения в каждом томе, практически весь текст четвертого тома – стихотворный, в третьем томе списку слов на каждую букву алфавита предшествует четверостишие, первое слово каждого из них – соответствующий слог, например, тибетское слово *нуа* ‘рыба’ – первое в четверостишии перед списком слов на графему *нуа*.

Еще один словарь – «Легкий для понимания», обычно относят к учебным пособиям из-за вводной грамматической части, написанной по-монгольски, где описывается не только построение тибетских графем, но и употребление многочисленных частиц тибетского языка, при этом тибетские примеры записаны и по-монгольски, и по-тибетски. Тибетско-монгольский словарь, следующий далее, написан в стихотворной форме. Порядок слов в пределах одной буквы алфавита определяется порядком построения тибетского слога (так, как принято в современных словарях) и в основном выдержан, однако его нарушают приводимые в словаре словосочетания. Наличие грамматического введения и стихотворной словарной части также сближает данный словарь с ранними тибетскими словарями, упоминавшимися выше. Его особенностью, не замеченной в

других словарях, является отдельный список (тоже стихотворный) из около 300 поэтических выражений (или эпитетов) для почти 100 референтов. Составление таких словарей было широко распространено на санскрите, заимствовано в тибетской лексикографии и оттуда попало в Монголию. В словаре «Легкий для понимания» есть ссылка на санскритский словарь «Амаракоша» и тибетский «Жемчужные четки», по обширным материалам которых был составлен небольшой список в данном словаре.

Известный терминологический словарь «Источник мудрецов» был составлен группой ученых лам под руководством Джанджа хутухты Ролби-Дороджэ в качестве вспомогательного справочника для перевода тибетского Данджура на монгольский. Содержание «Источника мудрецов» выходит за рамки словаря: его одиннадцать разделов посвящены отдельным областям знаний и представляют собой изложение не только терминов, но и их системной связанности в рамках данной области.

«Гвоздичный замок» – словарь старых и новых слов, был первоначально составлен на тибетском языке. В нем слова расположены парами: «старое слово» – «новое слово», т.е. при каждом старом тибетском слове приводится одно новое (иногда несколько новых) без определенной системы порядка следования пар. В XVIII в. этот словарь был переведен на монгольский и издан ксилографически. Интересно, что приблизительно столетием позже, очевидно в Бурятии, неизвестным автором была проделана работа, как он сам пишет во введении, по «облегчению пользования этим словарем» – все слова автор расположил по порядку тибетского алфавита. Его труд известен по нескольким рукописным копиям. С одной стороны, несомненно пользоваться алфавитным словарем легче, чем бессистемным, но алфавитный порядок, выбранный автором, был применен только «на уровне» букв, т. е. для каждой буквы автор выбирал соответствующие слова (с их монгольским переводом), однако расположил он их по порядку следования слов в исходном словаре. При этом он включил в выборку слова из введения и заключения к словарю, и таким образом в словарь попали слова, которые не имеют отношения к парам «старое слово» – «новое слово». Также в его словаре оказались разбитыми и сами пары слов: они «разошлись» по разным местам словаря в тех случаях, когда старое и новое тибетское слово начинались не с одной буквы, и тем самым была нарушена основная идея словаря.

Рукописный алфавитный словарь «Гвоздичный замок» демонстрирует не только новую тенденцию в составлении словарей – алфавитный порядок слов, но и знакомство его автора и в некоторой степени использование им трудов предшественников. В его словаре после списков слов на отдельные буквы (выбраны 22) есть поучительная строка, в которую включено одно или несколько слов на эту букву. Этот прием напоминает поучительные четверостишия предшествующие алфавитным спискам слов в словаре «Море имен». Можно было бы считать это совпадением, если бы не совпадение фразы со словами на букву «wa» из алфавитного словаря «Гвоздичный замок» с соответствующим четверостишием из «Моря имен».

Словари, изданные в XIX в., становятся более утилитарными – они составлены по алфавиту, причем более строго, чем предыдущие, не имеют стихотворных вставок, в них нет разделов с грамматическими правилами. Так построен словарь «Лунный свет», составленный лхарамбой Агван-Дандаром. Этот словарь, изданный в Пекине в 1838 г., был переиздан в Эгитуевском дацане в 1872 г., в конце XIX в. в Чицановском дацане был переиздан «Легкий для понимания», в Агинском в 1924 г. – «Источник мудрецов». Там же издавались и собственные словари: Галсан Жимба Тугултуров составил тибетско-монгольский словарь «Лампада, освещающая слова и смысл», изданный в 1872 г.; в конце 19 в. Крити Базар составил словарь «Освещающий названия, слова и смысл».

Словари не только издавались, но и переписывались. В собрании ИВР РАН есть копия словаря «Море имен», выполненная с целью не только по содержанию, но и по форме передать ксилографическое издание. Имеется также копия только третьего тома этого словаря, кроме того, есть краткий словарь, представляющий выписки наиболее

употребительных слов из этого тома. Особенно часто копировались отдельные разделы из словаря «Источник мудрецов», такие как «Праджняпарамита» и «Медицина».

Составители тибетско-монгольских словарей были знакомы с индо-тибетской лексикографической традицией, и их труды отражали какие-то ее аспекты, но сказать конкретно какой словарь был положен в основу (и был ли такой словарь) – нельзя.

Однако имеется словарь, отличающийся от словарей, описанных выше, тем, что его источник хорошо известен. Это изданный в Пекине в XVIII в. пятиязычный словарь, который известен под названием «Краткий Махавьютпатти». Этот словарь содержит выдержки из «Махавьютпатти» – известного словаря буддийской терминологии, составленного в IX в. для перевода буддийских сочинений с санскрита на тибетский язык, позже переведенного и на монгольский. В краткий вариант вошло около четверти разделов из «Махавьютпатти», причем многие из них в сокращенном виде. Например, в самом первом разделе «Махавьютпатти» приводятся 97 эпитетов Будды, а в кратком издании – только 58. В 1831 г. в Бурятии были вырезаны доски для нового ксилографического издания этого словаря, с включением только санскритско-тибетско-монгольской части (без китайского и маньчжурского), что было более актуально для Бурятии. Оба ксилографических издания есть в коллекции ИВР РАН.

Отдельную группу составляют тексты тематических словарей, в основе которых лежит маньчжурский толковый словарь, построенный по тематическому принципу, изданный в 1708 г. в Пекине – «Зерцало маньчжурской словесности, изданное по высочайшему повелению». После него было составлено еще семь изданий, как сказали бы сейчас – «исправленных и дополненных». Добавлялись и исправлялись слова, разделы, но главное, языки, но при этом тематическое построение исходного словаря сохранялась. Монгольские переводы есть в трех словарях из этой «серии», причем особый интерес представляет второй, изданный в 1717 г., поскольку в нем есть перевод на монгольский язык и слов, и толкований. Этим словарем пользовались составители современных монгольских толковых словарей.

Список докладчиков

Валеев Рамиль Миргасимович – д. истор. н., проф. кафедры алтаистики и китаеведения, ИМО, ФГБОУ ВО «Казанский (Приволжский) Федеральный университет». valeev200655@mail.ru

Валеева Роза Закариевна – к. пед. н., доц. Казанский инновационный университет. rozazv@mail.ru

Елихина Юлия Игорьевна – к. истор. н., ст. н. с. Государственный Эрмитаж. je07@inbox.ru

Ермакова Татьяна Викторовна – к. филос. н., ст. н. с. Отдела Центральной и Южной Азии. Институт восточных рукописей РАН. taersu@yandex.ru

Захарова Ирина Михайловна – к. истор. н., в. н. с., Государственный Эрмитаж. zakharovairina@mail.ru

Жуков Вадим Юрьевич – к. истор. н., независимый исследователь. gratis2002@inbox.ru

Кульганек Ирина Владимировна – д. фил. н., гл. н. с., зав. сектором Центральной Азии отдела Центральной и Южной Азии. Институт восточных рукописей РАН. kulgan@inbox.ru

Мандрик Мария Вячеславовна – к. истор. н., ст. н. с., Институт истории материальной культуры РАН, ст. н. с., Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. mmandrik@mail.ru

Носов Дмитрий Алексеевич – к. филол. н., н. с. отдела Центральной и Южной Азии. Институт восточных рукописей РАН. dnosov@mail.ru

Островская Елена Петровна — д. филос. н., гл. н. с., зав. сектором Южной Азии отдела Центральной и Южной Азии. Институт восточных рукописей РАН. ost-alex@yandex.ru

Пан Татьяна Александровна – к. истор. н., зав. отделом Дальнего Востока. Институт восточных рукописей РАН. ptatiana@inbox.ru

Петрова Мария Павловна – к. филол. н., доц. кафедры монголоведения и тибетологии Восточного факультета СПбГУ. mariap2001@mail.ru

Попов Антон Владимирович – к. истор. н., доц. кафедры монголоведения и тибетологии Восточного факультета СПбГУ. andreev-aleksandr-2014@mail.ru; a.v.popov@spbu.ru.

Почекаев Роман Юлианович – к. юр. н., доц., зав. кафедрой теории и истории права и государства Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» ropot@mail.ru URL: www.pr-page.narod.ru

Сабрукова Светлана Санджиевна – к. филол. н., мл. н. с. отдела рукописей и документов. Институт восточных рукописей РАН. ssabrukova@yandex.ru

Сизова Алла Алексеевна – мл. н. с. отдела рукописей и документов. Институт восточных рукописей РАН. userfriendly@yandex.ru

Скрынникова Татьяна Дмитриевна – д. истор. н., проф., гл. н. с., зав. отделом Центральной и Южной Азии. Институт восточных рукописей РАН.
skryta999@mail.ru

Sampildondov Chuluun – Prof. Dr., Director. Institute of History, Mongolian Academy of Sciences. Ulaanbaatar. Mongolia history_chuluun@yahoo.com

Ткач Дарья Сергеевна – студентка 1 курса магистратуры Восточного факультета Санкт-Петербургского Государственного университета. dasha-tkach@mail.ru

Туранская Анна Александровна – к. филол. н., мл. н. с., Институт восточных рукописей РАН. turanskaya@mail.ru

Федорова Марина Владиславовна – в. н. с. отдела этнографии народов Сибири и Дальнего Востока. Российский этнографический музей. fedorovarme@mail.ru

Федорченко Руслан Геннадьевич – к. истор. н. ФГБОУ ВО «Казанский (Приволжский) Федеральный университет».

Шомахмадов Сафарали Хайбуллоевич – к. истор. н., ст. н. с. сектора Южной Азии отдела Центральной и Южной Азии. Институт восточных рукописей РАН. safaralihshom@mail.ru

Юсупова Татьяна Ивановна - к. и. н., в. н. с., Институт истории естествознания и техники РАН. ti-yusupova@mail.ru

Ямпольская Наталья Васильевна – PhD., н. с. отдела Центральной и Южной Азии. Институт восточных рукописей РАН. nataliyampolskaya@yandex.ru

Яхонтова Наталия Сергеевна – к. фил. н., ст. н. с. отдела Центральной и Южной Азии. Институт восточных рукописей РАН. nyakhontova@mail.ru